

В. С. КРИВЕНКО

ВДАЛИ ОТЪ РОДНЫХЪ

(ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

ОТТІСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА
„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», В. Подъяч., № 39

1895

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Іюля 1895 года.

ВДАЛИ ОТЪ РОДНЫХЪ.

Изъ моихъ воспоминаній.

I.

...Мои два старшіе брата были уже въ кадетскомъ корпусѣ; я зналъ, что и мнѣ не миновать той же участи.

Мысль о разставаніи съ родителями, съ Кавказомъ, съ товарищами дѣтства меня ужасно пугала. Къ этимъ тревожнымъ думамъ присоединялся и страхъ передъ экзаменами. N—скій корпусъ былъ тамъ далеко, далеко — «въ Россіи». О желѣзныхъ дорогахъ на окраинѣ тогда и помину не было, а на лошадяхъ приходилось ѣхать до N около двухъ недѣль. Въ виду дороговизны и продолжительности путешествія, братья не могли пріѣзжать даже на канікулы, и меня некому было посвятить въ кадетскую жизнь и экзаменаціонныя требованія.

Два года тому назадъ мой братъ, уѣзжая въ далекій корпусъ, обливаясь слезами, написалъ на ставнѣ нашей классной комнаты, мѣсяць и число отъѣзда: 17-го іюля. Приблизительно около этого времени, долженъ былъ двинуться на сѣверъ и я. Какъ мнѣ хотѣлось отдалить это страшное «17-е іюля»! Но дни проносились неимоверно быстро, и срокъ наконецъ насталъ. Мнѣ все казалось, что вотъ, вотъ что-нибудь помѣшается. Увы, дорожный экипажъ уже выкатили изъ сарая. Денщикъ Абдулка при помощи отца и матушки укладывалъ вещи. Тоскливо сжалось мое сердце, и я опрометью бросился на «Набережную». Никогда мнѣ не казался такъ красивъ видъ на весело зеленѣвшіе внизу сады, на улыбающуюся цѣпь горъ, на синее, виднѣвшееся вдали, Каспійское море... Проскрипѣла арба горца, прошли два солдатика, пробѣжалъ въ припрыжку «къ учителю» одинъ изъ моихъ товарищей.

Какъ я завидовалъ имъ! Они остаются здѣсь, а я!?! Бѣдный я, бѣдный мальчикъ! Мнѣ нестерпимо стало жаль себя, я готовъ былъ разревѣться; но изъ-за палисадника показался священникъ съ докторомъ; они шли къ намъ нанутствовать въ дорогу. За молебномъ, матушка страшно разрыдалась, сестра и бабушка также плакали. «Господи, точно хоронить собрался», озабоченно повторялъ отецъ. Онъ крѣпился, но я видѣлъ, что ему было далеко не по себѣ. «И зачѣмъ это, мелькало въ головѣ, понадобилось везти меня въ корпусъ. Вотъ товарищи мои остаются же здѣсь, поступятъ въ юнкера, будутъ офицерами. Счастливыцы!..» Молебенъ конченъ. Всѣ присѣли на минуту, а затѣмъ началось прощаніе. Матушка поѣхала провожать насъ версть за семь «до спуска». Это была традиціонная граница для проводъ. Здѣсь мы простились.

Приходилось разставаться лѣтъ на восемь, а быть можетъ и болѣе; разставаться съ матерью десятилѣтнему ребенку съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи встрѣтиться почти уже взрослымъ и чуть ли не чужимъ. Вѣдь это страшнѣе рекрутчины! Тяжело было мнѣ, каково же отзывалось это на сердцѣ бѣдной матушки.

Простившись съ провожавшими, отецъ взялъ меня за руку, и мы тихо стали спускаться по капризнымъ зигзагамъ каменной дороги. Въ послѣдній разъ показался милый образъ матушки, мелькнулъ платокъ, и горный уступъ окончательно закрылъ вершину. Я судорожно припалъ къ отцу и не могъ двигаться далѣе. Сильныя руки бережно подхватили меня, и я очнулся уже въ экипажѣ.

3-го августа 186* года, я съ отцомъ подъѣзжалъ къ городу Н. Проведя дѣтство въ горахъ, мнѣ не доводилось видѣть городовъ, и потому я, съ особеннымъ интересомъ, разглядывалъ диковинки въ Ставрополѣ и Харьковѣ. Н уже меня нисколько не удивилъ. Мои мысли заняты были экзаменомъ и скорой встрѣчей съ братьями. Братья гостили у знакомаго въ деревнѣ, куда и мы съ отцомъ предполагали поѣхать, послѣ моего «опредѣленія». Всѣмъ существомъ своимъ желалъ я избавиться отъ будущаго заключенія въ заведеніи и убѣжать изъ Россіи туда, на родной Кавказъ. Въ моемъ воображеніи живо представлялся нашъ бѣлый домикъ, окутанный акаціями, а въ палисадникѣ на скамейкѣ горько плачущая матушка. Становилось нестерпимо больно и грустно... 7-го августа меня повели на экзаменъ. Громадное, съ бѣлыми колоннами зданіе корпуса меня окончательно придавило. Изъ внутреннихъ помѣщеній доносился гулъ сотенъ голо-

совъ. Приходилось подниматься и опускаться по монументальнымъ лѣстницамъ и путаться по безконечнымъ коридорамъ, полнымъ для меня тревожной таинственности. Встрѣчавшіеся кадеты, казалось, смотрѣли насмѣшливо и вызывающе. Я боязливо жался къ отцу и считалъ себя несчастнѣйшимъ въ мірѣ существомъ.

Передъ экзаменомъ всѣмъ поступившимъ дѣлали тѣлесный осмотръ. Я что-то очень много говорилъ доктору о постоянномъ страданіи лихорадкой, о колотьяхъ въ боку и еще о чемъ-то. Однако мой ухищреніи не повели ни къ чему. Сухой нѣмецъ докторъ Б—мъ призналъ меня здоровымъ.

Теперь на экзаменъ. При слушаніи отвѣтовъ сверстниковъ, робость моя прошла: они не особенно-то, оказалось, отличались въ знаніяхъ. Несмотря на плохіе отвѣты нѣкоторыхъ, всѣ экзаменующіеся были приняты, такъ какъ конкуренціи не было никакой.

Со вторымъ братомъ мы встрѣтились задушевно и звонко расцѣловались. Старшій братъ, конечно, также очень радъ былъ меня видѣть, но старался походить на истиннаго кадета «закала» и, сплясь выдержать роль, сдерживалъ братскія чувства. Сначала это меня непріятно поразило, но когда второй братъ черезъ часъ посвятилъ меня въ первые тайники кадетской жизни и въ значеніе брата «мускулиста», то я тотчасъ же проникся особымъ уваженіемъ къ нему. Всякій его поступокъ казался мнѣ совершенствомъ. Какъ пріятно, думалось мнѣ, быть роднымъ братомъ настоящаго закала!

И такъ я опредѣленъ въ корпусъ, — кадетъ, «новичокъ»...

Первые дни по поступленіи въ корпусъ, привезшіе дѣтей отцы, матери, родственники усиленно посѣщали нашу роту, въ особенности во время прогулокъ въ саду. Плачущія группы видѣлись то тамъ, то здѣсь. Офицеры-отцы выдерживали себя; обыкновенно чинно читали наставленія своимъ сыновьямъ, заплаканнымъ, со ртомъ, набитымъ пирожками или конфетами. Матери же плакали сильно. Да и какъ было не плакать! Когда-то придется свидѣться?

Черезъ недѣлю посѣтителей стало меньше: начался отливъ изъ корпуснаго города по домамъ. При разставаніи съ отцомъ или матерью, новичку допускалось похныкать, но на этомъ онъ и долженъ былъ закончить. Кадетъ и рюмза — понятія несовмѣстимыя.

Мой отецъ не могъ долго оставаться въ N и дней черезъ

десять послѣ «опредѣленія» уѣхалъ. Наканунѣ отъѣзда мы долго бесѣдовали, строили планы на будущее, мечтали о томъ, что отецъ получить командировку «въ Россію», пріѣдетъ къ намъ и быть можетъ привезетъ и матушку... На другой день отецъ помолился съ нами, перекрестилъ насъ, крѣпко, крѣпко расцѣловалъ и грустный, съ поникшей головой, уѣхалъ изъ N, уѣхалъ на вѣки. Больше мы не видѣли отца. Онъ вскорѣ заболѣлъ, а черезъ четыре года его не стало...

Длинные, терявшіеся гдѣ-то далеко коридоры, громадныя рекреационныя залы и дортуары наводили на меня сначала положительный ужасъ. Но къ этому я скоро присмотрѣлся, ознакомился со всѣми уголками этого строенія, сжилъ съ нимъ и полюбилъ его.

Шумная, сотенная масса стриженныхъ кадетскихъ головъ по первому впечатлѣнію меня ошеломила, рябило въ глазахъ, но уже на другой, на третій день среди общей, пестрѣющей галлерей лицъ сталъ выясняться болѣе и болѣе то тотъ, то другой кадетикъ. Знакомство завязывалось необыкновенно живо, переходило въ дружбу, перемежалось драками и миромъ.

— Новичекъ, какъ ваша фамилія?

— N. N.

— Давай говорить на ты.

— Давай.

— Хочешь дружиться?

— Хочу...

Все шло по доброму обыкновенію. Пріятельскія отношенія, завязанныя въ эту пору, остаются на всю жизнь, и корпусное «ты» не можетъ уже измѣниться никогда на холодное «вы».

Проведя нѣсколько дней въ корпусѣ, я сталъ съ замѣчательнымъ почтеніемъ относиться къ воспитанникамъ старшей, первой роты. Въ то время, какъ вполнѣ взрослые люди оставались въ моихъ глазахъ обыкновенными смертными, старшіе кадеты казались и мнѣ и моимъ товарищамъ какими-то гигантами, циклопами, за спиной которыхъ таились цѣлыя легендарныя похождения.

— Боровской Чеснока (дневальнаго солдата) исколотилъ. Тотъ не позволялъ ему въ ламповое масло хлѣбъ обмокнуть, а Боровской ка-а-акъ дать ему...

— Ну-у? дай честное слово!

— Чес-с-со слово.

И за обѣдомъ, когда всѣ роты собираются въ столовый залъ,

мы, неранжированные, съ удивленіемъ глазѣмъ на Боровскаго, этого героя, побѣдившаго мозгляваго, въ сущности, гарнизоннаго солдата. А Боровской, зная, что имъ любитъ корпусъ, идетъ къ столу истымъ кадетомъ: ноги у него колесомъ, размахъ руки особенно-характерный, такой, который бы доказывалъ, что онъ «мускулистъ»¹⁾; куртка намѣренно испачкана, локти прорваны. Входя въ столовую, онъ и другіе «закалы» производятъ какой-то особый шумъ, не то мычаніе, не то гоготанье и шарканье ногами по полу. Что это обозначаетъ неизвѣстно; но не могутъ же они просто и тихо войти.

— Молодчина Боровской,—заключаемъ мы.

— А Кленовичъ силенѣе его! Вчера я встрѣтилъ его въ церковномъ коридорѣ, онъ какъ посмотреть на меня, такъ я «такой дралки задалъ».

Начинается споръ, кто кого силенѣе.

— Ивановъ и Василенко — безъ пирога! — объявляетъ ефрейторъ, сидящій за «старшаго», и дѣйствительно мальчики остаются безъ сладкаго, которое судья и помѣщаетъ къ себѣ на тарелку или отсылаетъ въ первую роту, быть можетъ, тому же Боровскому или Кленовичу.

Басы пользовались также равнымъ съ «закалами» почтеніемъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно имъ приписывали и испольскую силу. «Октавистъ», т. е. второй басъ — это было существо недосыгаемое. «Какъ пустить октаву, такъ всѣ и задрожать; честное слово, архіерейскіе пѣвчіе приходили слушать»... — вспоминалъ кто-нибудь о вышедшемъ уже изъ корпуса пѣвчемъ, и всѣ внимали, и всѣ охотно вѣрили.

Тяжело доставалось смиреннымъ воспитанникамъ отъ сверстниковъ закаловъ.

— Новичекъ, въ бабки игралъ?

Упаси Боже отвѣтить утвердительно.

«Бабочникъ», «пшикъ» (полякъ) и «подлиза» — были наиболѣе жестокія ругательства.

«Эй, бабочникъ! бабочникъ!» — пляшетъ кадетъ передъ новичкомъ и близко, близко отъ лица дѣлаетъ какіе-то пасы. «Воздухъ казенный! Воздухъ казенный!» при этомъ прибавляетъ мучитель. Бѣда разревѣться или пожаловаться, — это считалось крайне низкимъ поступкомъ. Мирно относиться также не весело; потасовка за долготерпѣніе не уменьшается. Неприкосновенность

¹⁾ Слово «мускулы» относилось лишь спеціально до мышцъ верхней части руки.

личности не признавалась, и тумак можно было получить такъ, здорово живешь.

«Передай дальше!» — раздается, за столомъ, въ строю или классѣ, возгласъ, присоединенный къ толчку или щипку. Какъ бы по электрическому току, передается ударъ, пока не остановится на злополучномъ, который боится хватить сосѣда или замѣченъ начальствомъ... На обиды и побои нѣкоторые все-таки жаловались дежурному офицеру. — «Станьте на середину!» Правый и виноватый помѣщались подъ лампу въ залѣ и грустно посматривали на хихикающихъ кадетъ.

Для нехорошихъ шалуновъ режимъ безнаказанности былъ вполне на руку. Благо, у кого былъ братъ въ старшихъ классахъ; такого боялись трогать, во избѣжаніе должнаго возмездія.

Находились впрочемъ и защитники угнетенныхъ. У насъ въ перанжированной ротѣ этимъ отличался кадетъ Шлинокъ по фамиліи, «таранъ» — по прозванію. Несмотря на то, что онъ числился еще кадетомъ «перваго общаго класса», ему перемахнуло уже за четырнадцать. Шлинокъ считался замѣчательнымъ «мускулистомъ». Въ наукахъ не успѣвалъ и при двѣнадцати-бальной системѣ упорно ограничивался лишь пяти-бальной. Несправедливости не любилъ и потому, если ему приходилось видѣть драку, то онъ налеталъ и «двигалъ» сильнѣйшаго. За стремительность и разрушительное дѣйствіе этихъ движеній и овечьи умственные способности его и прозвали «тараномъ». Какъ-то Шлинокъ прилежался къ читающей группѣ и услышалъ отрывокъ, въ которомъ воспѣвались подвиги Ричарда Львиное Сердце. Съ этой минуты нашъ «мускулистъ» рѣшилъ походить на героя крестоносца и въ тотъ же вечеръ ухитрился вытравить себѣ на рукѣ крестъ. Вся рота благоговѣйно ходила смотрѣть руку Шлинка. Дневальный Чеснокъ также любопытствовалъ взглянуть, какъ это «вышкварено мясо». Каптенармусъ, пзъ выкрестовъ, Тишлеръ донесъ дежурному офицеру. По счастью, это былъ поручикъ Р. — страстный любитель романовъ. Онъ сначала не повѣрилъ, потомъ потребовалъ «крестоносца», посмотрѣлъ на руку и замѣтилъ, что надо бы доложить Адаму Осиповичу, да высѣчь. Однако поручикъ видимо былъ тронутъ геройствомъ и за завтракомъ Шлинку прислалъ стаканъ чаю и булку.

Какъ тяжело въ осенніе и зимніе мѣсяцы подниматься въ полутьмѣ, въ 6 часовъ утра. Гремить барабанъ повѣстку, а черезъ четверть часа зорю. «Вставать!» — раздается повелительный

окликъ дежурнаго офицера, затянутого уже въ мундиръ. Стара-тельные кадеты при первыхъ еще звукахъ повѣстки вскаки-ваютъ и быстро одѣваются; большинство же не такъ легко на подъемъ. Еле протерши глаза, ребята кучками бредутъ чистить сапоги и пуговицы на куртки.

Въ маленькомъ коридорѣ стоятъ нѣсколько грязныхъ ска-меекъ, на нихъ разставлены тарелки съ рыжей ваксой, протер-тые щетки и толченый кирпичъ. Подлѣ скамеекъ толкотня, возня, споръ изъ-за щетокъ и гербовокъ (особыхъ досчечекъ для чистки пуговицъ). Тутъ же, на подоконникѣ, приютился старикъ порт-ной въ очкахъ, на шеѣ у него цѣлый ворохъ суровыхъ нитокъ, въ толстомъ стеганномъ жилетѣ заткнуто нѣсколько большихъ иголокъ, обмотанныхъ нитками. Его обступили кадеты. Старикъ, обыкновенно, копается надъ какой-нибудь заплатой на курткѣ ранѣе всѣхъ подоспѣвшаго счастливца; другимъ же приходится вооружаться иглами и заняться ремонтомъ своей одежды.

Болѣе предусмотрительные и заботливые воспитанники съ вечера почистили уже сапоги и платье, теперь бродятъ по рекре-аціоннымъ заламъ и «подзубриваютъ». «Дневальные» солдаты, составлявшіе нашу прислугу, за незначительную плату чистили сапоги и платье двумъ, тремъ кадетамъ, имѣвшимъ возможность платить имъ за это.

Но вотъ «чистильная» замѣтно пустѣетъ. Народъ все больше густится подлѣ громаднаго мѣднаго круглаго рукомойника. На верхней части его виднѣются куски сѣраго, простѣйшаго мыла; бутылки съ невообразимымъ, никѣмъ не трогаемымъ бурымъ по-лосканьемъ и тарелки съ чернымъ зубнымъ порошкомъ. Претенден-товъ больше, чѣмъ мѣстъ. Опоздавшіе съ нетерпѣніемъ ждутъ очереди. Скоро нужно становиться въ строй. У рукомойника стоитъ содомъ. Дежурный офицеръ перешелъ уже въ залъ: шалить, значить, можно свободно. Гоняются другъ за другомъ во-кругъ рукомойника, брызгаютъ водой. Все идетъ благополучно, пока, по печальности, шалуны не окатятъ водой какого-нибудь «мускулиста». Слѣдуетъ трепка.

«Строиться!» — доносится приказаніе дежурнаго. Всѣ тя-нутся въ залъ. Начинается осмотръ. Разстегиваются куртки. Осматриваютъ, всѣ ли пуговицы. Поворачиваютъ направо и на-лѣво; причемъ надо поднимать соответствующую руку, дабы осмо-трѣть, не порвана ли куртка «подъ мышками».

Послѣ осмотра — утренній завтракъ: булка, жидкая каша, иногда сбитень; въ маѣ мѣсяцѣ — молоко.

Въ кадетскомъ обиходѣ булка и леденецъ были единицами мѣны. «За полбулки... за два леденца... за двѣ булки...» Эти выраженія слышались зачастую въ разговорѣ. Даже и начальство рѣдко оставляло безъ булки—до того это считалось законной принадлежностью воспитанника. Въсѣмъ размѣръ булки настолько былъ усвоенъ кадетами, что всякое отклоненіе въ отрицательную сторону подмѣчалось моментально, и кадетъ, сознавая свое право, требовалъ эконома. «Это не справедливо, не справедливо, Иванъ Ивановичъ, смотрите, маленькая булка...» И эта жалоба, послѣ небольшого пререканія, обыкновенно удовлетворялась.

Послѣ завтрака насъ вели въ роты брать книги и тетради, а оттуда, строемъ, въ классы. Преподаватели были хорошіе, были и дурные конечно; въ общемъ, грѣшно было жаловаться на нихъ. Одинъ изъ учителей, именно русскаго языка, Степанъ Ивановичъ Пономаревъ былъ даже положительно рѣдкій педагогъ. Обученіе у него шло все въ классѣ, «на домъ» онъ не давалъ заучивать, а развѣ лишь выписать нѣкоторыя слова. Стихи и басни учили тутъ же на лекціи, на-распѣвъ.

Степанъ Ивановичъ былъ для насъ солнечный лучъ въ суровомъ сумрачномъ кадетскомъ обиходѣ. За то какъ же мы и любили дорогаго преподавателя!..

Удивительно непроизводительно убивали мы время на изученіе французскаго языка. Несмотря на массу уроковъ, успѣли «пройти» за годъ лишь спряженія правильныхъ глаголовъ и закрепили переводъ одной странички изъ 2-й части учебника Марго; 1-й же части такъ и не касались.

Законоучителемъ у насъ былъ добрейшій отецъ діаконъ, который, боясь простуды, носилъ всегда на шеѣ небольшой шарфъ. Кадеты не могли удовольствоваться такимъ простымъ объясненіемъ и увѣрены были, что когда-то отецъ Гавріилъ при архіерее «закатилъ такое многолѣтіе», отъ котораго самъ соборный протодіаконъ чуть въ обморокъ не упалъ; за то у нашего діакона «порвалась жпла», и онъ съ тѣхъ поръ долженъ перевязывать горло.

Пользуясь добротой діакона, мы вступали съ нимъ въ бесѣды и нерѣдко жаловались на суровую жизнь, на плохую ѣду, на холодъ въ спальняхъ.—«А ты куда готовишься? Въ офицеры? Такъ какъ же ты на войнѣ будешь терпѣть! Надо смолоду приучать вась и недоѣдать, и мерзнуть...» — убѣжденно защищалъ онъ безпорядки...

Во время уроковъ старательные сидятъ на переднихъ скамьяхъ

и внимательно слѣдятъ за учителемъ. Сзади же, въ «Камчаткѣ», расположены беззаботные. Тихая, чуть слышная вначалѣ, возня постепенно усиливается. Раздается брянчаніе на перьяхъ, вставленныхъ въ видѣ клавишъ въ столъ; «давятъ масло», сжимая въ серединѣ сидящихъ, пока невытерпѣвшій не крикнетъ и за это преподавателемъ не будетъ поставленъ къ доскѣ.

Химики готовятъ въ кадетской пуговицѣ смѣсь изъ толченаго стеарина и чернилъ, при удобномъ случаѣ составъ поджигаютъ и пуговица летитъ фейерверкомъ по классу.

— Кто это сдѣлалъ?

Въ отвѣтъ гробовое молчаніе.

— Ага, пожалуйста-ка всѣ съ послѣдней скамьи сюда, къ доскѣ. Гуськомъ тянутся обреченные на закланіе. Уроковъ не знаютъ. — «Похвально, похвально, а дубину (единицу) хочешь?»

— Николай Петровичъ, я не могъ приготовить, голова болѣла, — мычитъ какой-нибудь камчадалъ.

Въ классѣ тихо. Уныніе распространяется среди рядовъ начинающихъ «закалывать» себя кадетъ. Вдругъ раздается повѣстка. О, счастье! Моментально все загудѣло и летитъ вонъ изъ класса. Въ пятиминутную перемѣну что-то невѣроятное происходитъ въ коридорѣ.

Предпріимчивость шалуновъ была удивительная. Однажды все отдѣленіе обратило вниманіе на озабоченность двухъ самыхъ записныхъ школяровъ; видимо они были заняты серьезнымъ дѣломъ; когда пришелъ учитель и всѣ смирно усѣлись по скамьямъ, то вдругъ раздался глухой звонъ. Всѣ кадеты радостно переглянулись: — «здорово!» Преподаватель сталъ прислушиваться. Все смолкло. Но лишь только онъ приступилъ къ занятіямъ, какъ звонъ вновь повторился. Желая моментально обнаружить проказника, онъ приказалъ всѣмъ поднять руки. Приказаніе исполнено, но звонъ сталъ еще громче, и теперь мы поняли, что звукъ выходитъ изъ шкафчика, стоявшаго въ сторонѣ отъ ученическихъ скамей, подлѣ каедръ.

Преподаватель бросился въ коридоръ и скоро вернулся съ «Адамомъ». Мы встали, вытянулись и безмолвствовали, а звонъ не прекращался.

Вслѣдъ за Адамомъ капитанармусъ Тишлеръ подкрался къ шкафчику и открылъ тамъ мѣдный подсвѣчникъ. Доннышко изображало колоколъ, а языкомъ служила вывинченная верхняя часть подсвѣчника. Къ языку былъ проведенъ искусно шнуръ, другимъ концомъ привязанный къ ногѣ школяра... Выскли; по

за то даже и старшіе кадеты приходили смотрѣть знаменитый шкафчикъ.

Ротный командиръ, капитанъ Адамъ Осиповичъ, въ сущности былъ не злой человѣкъ, но считалъ нужнымъ какъ можно строже подтягивать неранжированную роту; кадетамъ отъ него доставалось не мало, при чемъ нѣкоторые ходили для расправы «въ цейнгаузъ»... Въ кадетскихъ разговорахъ капитанъ шелъ просто за «Адама»; жену же его окрестили «Евой». Если случалось Адаму увидѣть насупившагося новичка, не шалуна, то онъ ласково бесѣдовалъ съ мальчикомъ, старался пріободрить, иногда даже приглашалъ къ себѣ на квартиру обѣдать. У Евы были какія-то цѣлебныя капли, которыми, случалось, она угощала недомогавшихъ кадетиковъ.

Лучшихъ учениковъ въ каждомъ «отдѣленіи» назначали «старшими», которымъ предоставлялось слѣдить во время отсутствія преподавателя за порядкомъ, записывать виновныхъ, донося объ этомъ начальству. Кромѣ этого, на старшаго возлагалась обязанность получать для кадетъ новыя тетради взамѣнъ исписанныхъ. Во избѣжаніе вторичнаго представленія вахтеръ Бондаренко прокалывалъ большой булавкой законченную тетрадь.

Въ 12 часовъ насъ вели въ залъ, куда приносили корзину съ кусками чернаго хлѣба. Служитель шелъ между шеренгами, и каждый кадетъ могъ взять одинъ кусокъ; но ловкачи ухитрились выловить два и даже три.

— Славные сухари будутъ, въ трубѣ высушу... слышался въ строю шепотъ счастливца.

Строевыя занятія въ нашей неранжированной ротѣ ограничивались, такъ называемой, «одиночкой» и маршпровкой.

Послѣ занятій весной и осенью пріятно было вырваться въ садъ или на плацъ, но поздней осенью и зимой водили по городу, по улицамъ. По узкимъ, обмерзшимъ, деревяннымъ тротуарамъ торжественно тянулася длинная, черная цѣпь кадетскихъ паръ.

Разносчики и торговки съ лотками и корзинами ловко укрывались отъ глазъ начальства и умудрялись продавать намъ незамысловатыя лакомства.

Послѣ гулянья нѣсколько кадетъ обязательно двигались въ цейнгаузъ для примѣрки платья и сапогъ. Послѣдніе шли не по мѣркѣ. Приходилось выбирать изъ громадной кучи и ссориться съ каптенармусомъ. Но пререкаться долго некогда, слышна

повѣстка къ обѣду. Нѣкоторые озабочены своимъ туалетомъ, стремятся примочить водой вихры и почистить куртку.

Мѣрно раздаются шаги четырехъ ротъ, марширующихъ по коридорамъ къ столовому залу. Лѣстницы разстраиваютъ строй, слышится разговоръ, дежурному не видно, кто шалить, прыгаетъ по ступенькамъ, а иной рпскуетъ спускаться по периламъ. Съ верхней площадки раздается окрикъ: «не разговаривать, идти въ порядкѣ!» При входѣ въ залу стоитъ батальонный командиръ, роты подтягиваются, «берутъ ногу» и, стройно отбивая ногами тактъ, втягиваются въ промежутки между длинными столами. По сигналу на молитву, изъ первой роты доносится басистый запѣвъ: «Очи всѣхъ», ближайшіе сосѣди подхватываютъ «на Тя», и уже слова «Господи, уповаютъ»,—громко выкрикиваются всѣмъ корпусомъ. Молитва окончена, и трескъ барабана сливается съ шумомъ отодвигаемыхъ скамеекъ. Изъ буфета, соединеннаго аркой со столовой, вылетаетъ цѣлая фаланга служителей съ дымящимися оловянными мисками. Славно, если борщъ; а вдругъ манный супъ съ перьями, брррр... На «второе» очень бы хотѣлось получить блюдо, называвшееся бифштексомъ. Котлеты изъ вареной говядины и поджареные куски вареной же говядины—не одобрялись кадетами. Что-то будетъ сладкое? Отлично бы слоеный пирогъ «съ вареньемъ», хорошо бы и гречневую кашу «съ масломъ». Двѣ ягоды вишневаго варенья помѣщались поварами сверху слоеной лепешки, и большинство кадетъ, лакомясь пирогами, осторожно обходило вишни, сберегая ихъ до послѣдняго, роковаго глотка... Масло черезъ небольшое отверстіе въ особой машинѣ выдавливалось въ видѣ закругленной палочки и разрѣзалось на небольшія порціи. Процедурой этой, а равно и рѣзкой хлѣба занимался буфетчикъ Михѣнко. У него можно было поживиться горбушкой и до обѣда, но въ буфетъ запрещалось ходить. Держалась легенда объ одномъ кадетѣ, который смѣло прошелъ по карнизу цѣлаго громаднаго этажа, черезъ окно влѣзъ въ буфетъ и заполучилъ «двѣ здоровыхъ горбушки» отъ Михѣнки.

Возвращеніе отъ обѣда было всегда довольно шумное. Окрики насытившагося дежурнаго слышались рѣже.

Что было для насъ утомительно—это послѣобѣденныя лекціи. Голова работала плохо. Сонливо сидѣли бѣдные кадеты, пригвожденные, вмѣсто отдыха, къ классной скамьѣ. Въ эти часы обыкновенно набиралось гораздо болѣе неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, чѣмъ по утру.

Въ послѣобѣденное рекреационное время устраивались игры. Играли въ чехарду, въ жгуты, прыгали черезъ табуретки. На сравнительно небольшомъ пространствѣ толпилась сотня мальчиковъ, желавшихъ расправить свои члены и задать гимнастику легкимъ. Шумъ, громъ, крики, вопли—все это не смолкаетъ вплоть до начала вечернихъ занятій. Привычный къ кадетскому гаму дежурный офицеръ и тотъ удалялся въ коридоръ, по которому чинно расхаживали «примѣрные» воспитанники. Иногда туда же выскакивали не сдержавшіе свой пылъ шалуны; бѣдные! Они летѣли, какъ бабочки, прямо на огонь. Дежурный неумолимъ и моментально направлялъ ихъ «на середину». Пренепріятно и глупо стоять смирно подъ лампой въ то время, какъ вокругъ шмыгаютъ и дразнятъ товарищи. Подходили къ офицеру и обиженные кадеты съ жалобами:—Онъ меня, Романъ Ивановичъ, ударилъ; запретите ему драться...

— Я его не трогалъ, онъ самъ пристаётъ...

— Пошли оба «на середину!» А ты еще разговаривать?!... Вотъ я тебя въ карцеръ отправлю,—коротко и справедливо рѣшаетъ дежурный.

Преподаваніе въ классахъ еще могло считаться сноснымъ, но за то приготовленіе къ урокамъ было обставлено печально.

Въ ротномъ рекреационномъ залѣ стояли подлѣ стѣны длинной вереницей крашеные столы на 8 человекъ каждый.

Своеобразный гулъ носился по громадной комнатѣ, тускло освѣщенной двумя висячими масляными лампами, кромѣ того, на столахъ кой-гдѣ видѣлись казенныя стеариновыя свѣчп. При такой полутьмѣ трудно было заниматься, приходилось покупать свѣчи, а если не было денегъ, то вымѣнивали огарки за булку. Впрочемъ, многіе кадеты ухитрялись и при казенномъ освѣщеніи читать и писать.

Дежурный офицеръ, затянутый въ мундиръ, или дремалъ въ углу надъ романомъ или похаживалъ по залу, посматривая, чтобы кто-нибудь не посмѣлъ встать съ своего мѣста.

Обратиться къ офицеру съ вопросомъ за разъясненіемъ заданныхъ уроковъ было въ лучшемъ случаѣ бесполезно, а то попросту рискованно, такъ какъ это принималось за насмѣшку.

Уроки пельзя было назвать обременительными, и воспитанники самыхъ посредственныхъ способностей справлялись съ приготовленіемъ безъ репетиторовъ. Во всякомъ случаѣ наиболѣе способные считали себя, какъ бы, обязанными помогать обращающимся къ нимъ товарищамъ. Я не помню примѣра, чтобы кто-

нибудь отказалъ въ такой, конечно, совершенно безвозмездной, помощи. Беззаботные воспитанники упивались чтеніемъ романовъ. Имѣть книги, кромѣ учебниковъ, строго запрещалось, и потому во время чтенія приходилось маскировать романъ—задачникомъ, «Margo» или «Ушпнскимъ». Во время вечернихъ занятій, въ тихомолку, передавались толчки отъ стола къ столу, пересылались открытыя записочки, украшенные дѣтскими карриатурами; циркулировали даже письменныя приказанія и воззванія «закаловъ».

Особенное оживленіе царило среди кадетъ, когда устраивали «бунтъ».

«Сегодня, господа, эконому бунтъ устроить»,—приходитъ приказаніе изъ первой роты. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы ужина. «Вотъ здорово-то будетъ!»

Вечеромъ дѣйствительно въ столовой, при появленіи эконома, начинается шумъ.

Дежурный по корпусу поднимаетъ роты изъ-за стола и заставляетъ стоять въ ожиданіи командира батальона, лысаго почтеннаго старика.

Полковникъ знаетъ всю тщету отыскивать виновнаго и потому, покричавъ на насъ, оставляетъ всѣхъ огуломъ «безъ отпуска». Мы, маленькіе, проникаемся страхомъ; въ рядахъ старшихъ кой-гдѣ раздается шарканье ногъ и гулъ народа на сценѣ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ осложненій слѣдуетъ приказъ вести кадетъ въ роты, куда всѣ возвращаются въ возбужденномъ состояніи, и долго еще въ спальняхъ раздаются разговоры.

— Что это за бунтъ?! Вотъ, говорятъ, въ —скомъ корпусѣ директора побили, всѣхъ офицеровъ выгнали. Тамъ весь корпусъ оцѣпили солдатами съ ружьями, честное слово. Судили, цц!... вотъ здорово!..

— Господа, въ 1-ой ротѣ бунтъ! — электрическимъ токомъ пронеслась вдругъ среди насъ во время вечернихъ занятій радостная вѣсть.

Вотъ пробѣжали два каптенармуса, злѣйшіе враги кадетъ, фискалы по прозванію. Одинъ изъ нихъ Тишлеръ, юркій еврейчикъ съ вѣчно бѣгающими плутоватыми глазами; другой «Циклопъ», рослый, рябой унтеръ, съ бѣльмомъ на глазу.

Отъ нихъ ничего не удалось узнать. Фискаль предусмотрительно успѣлъ запереть дверь въ церковный коридоръ, откуда можно пройти въ другія роты. Дневальный Чеснокъ, стоя у этихъ дверей, даетъ нѣкоторыя разъясненія.

— Гарнадеры (1-я рота) требуютъ директора до себя.

— Ну, что же?... Пришелъ директоръ?

— А вамъ что?!

— Чеснокъ, Чесночекъ, ну скажи, что же дѣлають, — просятъ солдата обступившіе его кадеты.

— Въ нашего «Адама» табуреткой пуцали.

— Табуреткой?! Куда же ему попало?

— Такъ онъ будетъ ждать, чтобъ попало... То-о-же... дурня нашли, — обидчиво замѣчаетъ дневальный. — Увернуться Адамъ успѣлъ.

Только было хотѣлъ разоткровенничаться Чеснокъ, какъ подлетаютъ къ нему школяры.

— Чеснокъ, отвори!

— Ну, убирайтесь, господа! Пащенко, не трожьте! до дежурнаго заразы побiju!

Происходитъ возня.

— Это что-за картина! — раздается голосъ дежурнаго офицера.

Пащенко и Шульце, закрывъ лицо руками, чтобы не быть узнаваемыми, стремглавъ проносятся мимо дежурнаго. Но коварный, раздосадованный Чеснокъ «уже докладаетъ». Оба школяра вскорѣ стоятъ «на серединѣ», издали показывая языки и грозя кулаками Чесноку.

На другой день отъ старшихъ воспитанниковъ узнаемъ нѣкоторыя, конечно, раздутыя, но для насъ вполне достовѣрныя подробности бунта. Старшіе кадеты требовали какихъ-то льготъ. Директоръ явился самъ и когда началъ имъ дѣлать замѣчаніе, то Боровской, будто бы, бросилъ въ генерала Рейфомъ (словарь Рейфа), но книга перелетѣла черезъ голову. Директоръ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этой ужасной выходки. Въ дежурнаго по корпусу, нашего Адама, когда онъ поднимался по лѣстницѣ, кто-то бросилъ съ площадки табуреткой, которая разбилась, но не попала къ счастью въ капитана. «Адамъ» очень испугался, ходилъ къ «Евѣ» принимать успокоительныя капли. Виновнаго не только не нашли, но и кадеты сами не могли узнать, кто это покусился чуть не на жизнь бѣднаго капитана. Нѣкоторые увѣряли, что это Тишлеръ (каптеармусъ) пустилъ табуретку, чтобы «выписать въ расходъ» имъ раиѣ сломанную. Легендарной табуретки, однако, кажется, никто изъ кадетъ не видѣлъ.

Директоръ корпуса, старикъ генералъ, казался намъ, неранжированнымъ, существомъ недостижимымъ. Въ корпусъ мы, по крайней мѣрѣ, «мальцы», его видѣли лишь въ высокаторже-

ственные дни въ церкви. Каска съ пышнымъ плюмажемъ, расшитый мундиръ, покрытый звѣздами, и красныя съ золотыми лампасами брюки директора производили на насъ, «приготовишекъ», сильное впечатлѣніе.

Говорили, старикъ былъ добрый человѣкъ. Дѣйствительно, жестокихъ сѣченій у насъ за время его начальствованія не практиковали, и многіе изъ насъ, кадетъ, не вкусили березовой каши.

На вечернихъ урокахъ по субботамъ кадеты съ особеннымъ интересомъ прислушивались ко всякому шороху въ коридорѣ. Наконецъ дверь стремительно отворялась сторожемъ, и въ классъ входилъ инспекторъ классовъ, полковникъ, съ толстымъ туловищемъ, подоткнутымъ тоненькими, тоненькими ножками. Онъ приносилъ съ собою журналъ и читалъ баллы, полученные воспитанниками за недѣлю. У многихъ лица бывали подернуты сосредоточенной грустью. Нужно, однако, отмѣтить, что страданія были лишь нравственныя, безъ прибавки березовой каши. Тѣлесное наказаніе примѣнялось лишь къ закоренѣлымъ лѣнтяямъ. Въ нашемъ классѣ несчастіе это постигло двухъ братьевъ Лешиныхъ — «рыжихъ орангутанговъ» и несчастнаго Костича.

«Рыжіе орангутанги» никакъ не могли осилить премудрости приготовительнаго класса и въ послѣдствіи, при преобразованіи корпуса въ военныя гимназіи, были исключены. Несмотря на это, одинъ изъ нихъ, благодаря только-что открывшемуся тогда юнкерскому училищу, былъ ранѣе сверстниковъ произведенъ въ офицеры въ армейскій уланскій полкъ. Помню, мы, одѣтые въ мѣшковатыя пиджаки, съ завистью глядѣли на его красный лацканъ и мѣдныя эполеты.

Костичъ, сынъ генерала, болѣзненно-нервный и мало способный мальчикъ, входилъ часто въ какой-то ражъ и тогда неистовствовалъ. Отца онъ любилъ очень и писалъ ежедневно ему письма; бумаги при этомъ изводилъ цѣлыя дести, чѣмъ смѣшилъ дѣтвору. Костичъ не могъ написать строчки, чтобы не сдѣлать громаднаго клякса, моментально онъ комкалъ листъ и отбрасывалъ въ сторону. Школяры поднимали бумагу, читали, издѣвались. Костичъ, страшно заикаясь, требовалъ не мѣшать и затѣмъ вскорѣ бросался и царапалъ ногтями мучителей. Тяжело вспомнить эти сцены обоюдной дѣтской жестокости... Приступы бѣшенства стали чаще и чаще овладѣвать бѣднымъ мальчикомъ. Когда за плохіе баллы ротный командиръ приказалъ отвести Костича «въ цейхгаузъ» и высѣчь, то занка бросился на каптенармуса и на дежурнаго офицера. Визжалъ, царапалъ.... Его

высѣкли... Вскорѣ пріѣхалъ старикъ Костичъ и увезъ сына домой.— Въ субботу, послѣ всенощной, разрѣшалось брать изъ библіотеки книги для чтенія. Воспитанникамъ предпочтительно предлагали «Журналъ военно-учебныхъ заведеній» въ желтой оберткѣ, украшенной арматурами. Журналъ этотъ пользовался прежде большою популярностью, его читали не безъ удовольствія и въ мое время; но сказочные рассказы изъ американской жизни привлекали кадетъ значительно болѣе. Майнъ-Ридъ только-что началъ тогда проникать въ корпусъ, и у насъ стали появляться отчаянные «краснокожіе». Какую-нибудь «Черную Пантеру» стремились читать десятки кадетъ, и между ними были такіе, которые ранѣе никогда ничего печатнаго, кромѣ учебниковъ, не хотѣли знать. Приходилось читать вслухъ. Въ ротѣ стали слышаться зачастую непستовые звуки не то завыванія, не то рыданія—это обозначало воинскій крикъ индійцевъ, собиравшихся «скальпировать бѣлыхъ». Краснокожіе потрясали линейками, воображая, что въ рукахъ у нихъ тамагавки и, гикая, отплясывали «воинственный танецъ».

Послѣ недѣльныхъ занятій субботній вечеръ приносилъ пріятный отдыхъ; но наступало воскресенье, и уже послѣ обѣдни чувствовалось приближеніе суроваго понедѣльника съ длиннѣйшими «уроками».

Тоскливо было въ корпусѣ по воскресеньямъ. Въ отпускъ мнѣ было не къ кому ходить; до игры я не былъ особенный охотникъ; «интересныя книжки» не всегда можно было достать. Придетъ одинъ изъ братьевъ, потолкуемъ, вспомнимъ про домашнихъ, про Кавказъ. Еще сильнѣе пригорюнишься.... Кромѣ того, п волчій аппетитъ, не перебиваемый уроками, заставляетъ учащенно поглядывать на часы. У кого задержались деньги на «рукахъ», тотъ посылаетъ дневальнаго солдатика «за покупками». Для кадетъ и гривенникъ считался значительной цѣнностью. Еще бы! Трехкопѣчный розанъ и пятикопѣчная кровяная колбаса—это «шикозная вещь», заставлявшая многихъ завидовать счастливому ихъ обладателю. Двѣ копѣйки, обыкновенно, уплачивались посыльному «за проходку».

Въ каждомъ отдѣленіи были спеціальныя «каниюки», которые, при видѣ сѣдобнаго, моментально выростали подлѣ кадета, собиравшагося приняться за колбасу:

— Дай кусочекъ, дай же, Василенко, ну, дай же!...

Раздавалось два, три ноющихъ голоса и не переставали выпрашивать, пока не получали, дѣйствительно, «по кусочку». Это,

впрочемъ, не было еще такъ разорительно, какъ требованіе, а не просьба, «закала»:

— Давай булку! Ну, живѣй, отламывай колбасу!

Попробовать не давать—отнять. Жаловаться—накажутъ, такъ какъ на рукахъ деньги запрещено было оставлять. Во избѣжаніе подобныхъ неудобствъ, деньги вручались начальству, и затѣмъ уже къ воскресенью желающій купить что-нибудь записывался «на списокъ». Ротный командиръ посылалъ покупать каптенармуса или самъ ѣздилъ въ магазины.

Громадная плетеная корзина съ свертками, приобретенными «по списку», появлялась обыкновенно уже послѣ обѣда. Большая часть свертковъ была съ леденцами, стоимыми по 30 копѣекъ фунтъ. Прелесть, что-за леденцы! Такихъ послѣ я уже нигдѣ не ѣдалъ. Записывались обыкновенно на полфунта; цѣлый фунтъ—вѣдь, это состояніе!

Нѣкоторые настойчиво покупали «рожки» и кедровые орѣшки—сладко, сытно и дешево.

Праздничный обѣдъ всегда неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же: борщъ со сметаной, бивштексъ и слоеные пироги съ двумя вишневыми ягодками. Въ особенно торжественные дни подлѣ каждаго прибора клали «фунтики» съ чѣмъ-то похожимъ на конфеты. Этимъ лакомствомъ кадеты страшно дорожили, и при видѣ «фунтиковъ» въ столовой раздавалось веселое, одобрительное гоготанье. Тѣ рѣдкіе случаи, когда раздавали лакомства, кадетамъ отлично были извѣстны, но иногда ихъ давали сверхъ программы. Можно себѣ представить кадетскій восторгъ въ такихъ случаяхъ. Мнѣ помнится, что эти тощіе «фунтики» съ дешевыми сухими сладостями кадеты цѣнили выше своихъ покупныхъ леденцовъ, халвы, яблокъ, монпасье и другихъ «собственныхъ» лакомствъ.

Кормили насъ вообще очень плохо. Но можно ли было требовать отъ начальства лучшаго? Вѣдь на всю дневную пищу отпускалось на человѣка лишь по 12½ копѣекъ ¹⁾. Надо было удивляться, какъ насъ еще съ голоду не уморили...

По воскресеньямъ въ отпускъ ходили немногіе. Къ 6-ти часамъ вечера, къ занятіямъ, они должны были являться. Въ коридорѣ, при входныхъ дверяхъ, кучка буяновъ сторожила отпуск-

¹⁾ Этотъ размѣръ пмѣненъ былъ лишь въ 70-хъ годахъ. Надо замѣтить, что въ нашемъ корпусѣ «отпускныхъ» было мало и, слѣдовательно, съ этой стороны экономія получалась небольшая.

ныхъ, выпрашивала принесенныя лакомства, а иногда и по-просту отнимала.

Къ Рождеству имена воспитанниковъ, которые имѣли «въ среднемъ» болѣе $9\frac{1}{2}$ балловъ, заносились на красную доску. Съ какою гордостью кадетъ читалъ на ней свою фамилію! На той же стѣнѣ, неподалеку отъ почетной, больно била въ глаза черная доска, — здѣсь отмѣчались кадеты, имѣвшіе въ среднемъ менѣе 6 балловъ. Два «рыжихъ орангутанга», по-братски, неразлучно виднѣлись на этой позорной площади.

Я съ братьями получилъ приглашеніе провести святки «на хуторъ», къ маіору Антоненко, товарищу отца. Старшій братъ находился въ самомъ рискованномъ періодѣ кадетскаго закаливанія и съ ироніей относился къ отпускнымъ «нѣжностямъ». Второй братъ рассказалъ мнѣ много пріятнаго о хуторской жизни, и мы оба съ нетерпѣніемъ ждали приближенія праздниковъ. Какъ на грѣхъ, я захворалъ. Дома, несмотря на кавказскую теплую зиму, меня кутали, а тутъ, въ болѣе суровомъ климатѣ, приходилось выходить въ тонкой, безъ подкладки, шинели и безъ калошъ. Праздники приближались, крестики на календарѣ густою цѣпью ворвались уже въ декабрь, а у меня разыгрывался кашель. Братъ неодобрительно качалъ головой, упрекалъ и жалѣлъ меня. Я старался отдѣлаться отъ лазарета, и ночью, когда особенно душилъ кашель, закрывался подушкой, чтобы не услышалъ дневальный и не доложилъ дежурному офицеру. Братъ нажегъ изъ сахара леденцовъ и принесъ мнѣ въ качествѣ лѣкарства. Кашель сталъ-было утихать, но я началъ сильно лихорадить. Тогда братъ самъ сказалъ «Адаму» о моемъ недомоганіи, капитанъ хотѣлъ-было сводить меня къ «Евѣ» угостить каплями; но, замѣтивъ, что у меня жаръ, отправилъ въ лазаретъ.

Лазаретъ помѣщался подъ нашей ротой. Приходилось спуститься по сумрачной лѣстницѣ, а затѣмъ повернуть по темному, страшному коридору, мимо мертвецкой. Маленькіе воспитанники побаивались этого коридора, спѣшили скорѣе его миновать и въ то же время съ тревожнымъ любопытствомъ поглядывали на сосѣднюю съ мертвецкой, завѣшанную зеленымъ коленкоромъ, стеклянную дверь въ комнату кадета Субачевского, выдѣленного изъ общаго лазаретнаго помѣщенія въ виду особаго свойства его болѣзни.

Оказалось, что я захворалъ вѣтряною оспою. Слово «оспа» привело въ смятеніе. Меня помѣстили въ комнату, гдѣ лежалъ

больной корью. Вокругъ ни сидѣлки, никого. Черезъ часъ приходилъ, густо намаженный, шикарь-фельдшеръ, заставлялъ меня пить какую-то микстуру и уходилъ. Къ обѣду принесли тарелку овсянки и полбулки, это обозначало «3-ю порцію». Мнѣ вспомнилось, какъ дома за мной ухаживали во время болѣзни. А здѣсь! Мнѣ казалось, что всѣ меня забыли, никто меня не жалѣетъ, оспа меня искалѣчитъ и даже, быть можетъ, я умру... Вечеромъ принесли мнѣ кружку чаю и опять полбулки. Я горѣлъ и не дотрогивался до пищи. Наступила ночь: все смолкло; лишь большіе лазаретные часы отбивали громко свое сухое тикъ-такъ. Становилось жутко, подступали слезы. «Хорошо бы умереть, думалось мнѣ, на зло имъ всѣмъ умереть».

Громкій окликъ въ сосѣдней комнатѣ и топаніе ногами заставили меня вздрогнуть. Я не зналъ лазаретныхъ обычаевъ. Оказалось, что это шелъ ночнымъ дозоромъ старшій врачъ. Сномъ больныхъ докторъ мало стѣснялся, и раскаты его громоваго голоса гулко раздавались въ ночной тишинѣ. Путь открывалъ лазаретный солдатъ со свѣчей; за докторомъ шелъ лѣкарскій помощникъ, фельдшеръ и каптенармусъ; послѣдній докладывалъ, что Шульце шалилъ, за обѣдомъ бросалъ туфлею.

— На «третью порцію» его! — командуетъ докторъ фельдшеру.

Грузная фигура подо двинулась ко мнѣ.

— А ты что? *Febris catarrhalis* — отчасти притворялись, да?!

И онъ сталъ меня осматривать, выслушивать и въ то же время скоро, скоро диктовать рецептъ. Фельдшеръ съ испуганнымъ лицомъ и растрепаннымъ кокомъ записывалъ какія-то каракули въ длинную, узкую, гнущуюся тетрадку. Я не могъ понять, какъ это фельдшера ухитрялись не перепутать рецепты. Секретъ, оказалось, заключался въ томъ, что въ лазаретѣ практиковалось четыре, пять микстуръ, составъ которыхъ не только фельдшера, но и болѣвшіе кадеты знали наизусть; достаточно было сказать первое слово, а тамъ ужъ все было извѣстно, какъ молитва.

Послѣ осмотра, грозный докторъ отнесся ко мнѣ довольно участливо. Сказалъ, чтобы я не боялся, — опасности никакой нѣтъ и черезъ нѣсколько дней могу «убираться въ роту».

Черезъ минуту старшій врачъ уже разносилъ какого-то больного, не желавшаго принимать лѣкарства.

По утрамъ въ лазаретъ приходили амбулаторные больные; къ нимъ пристроился мой братъ и безъ спросу забѣжалъ меня провѣдать. Онъ успѣлъ сунуть мнѣ горбушку чернаго хлѣба,

два леденца и побѣщаль поправить мою мазню въ учебной тетради рисованія.

Черезъ день меня перевели на «вторую порцію», т. е. стали давать вмѣсто полубулки—цѣлую, и за обѣдомъ, кромѣ овсянки или бульона съ грѣнками, прибавляли еще одно блюдо — рисовую кашу.

Нѣсколько человѣкъ «хрониковъ» были всегдашніе больничные завсегдатаи. Большую половину корпусной жизни они проводили здѣсь, въ лазаретѣ. Сюда же стремились попасть и неохотники до уроковъ. Всѣми путями старались они привить себѣ болѣзни. Мнѣ вспомнился теперь кавказецъ З — скій, который ночью открылъ форточку и въ одной сорочкѣ высунулся на морозъ. Онъ достигъ желаемого, «отдулся» отъ уроковъ, заболѣлъ и... умеръ. Многіе по-просту притворялись, «набивали пульсъ», «разогрѣвали голову» и пускались на разныя хитрости. Тогда термометры еще не были въ ходу, и потому продѣлки иногда удавались, въ особенности съ благодушными младшими врачами. Старшій врачъ прежде всего во всякомъ кадетѣ, приходившемъ въ лазаретъ, видѣлъ притворщика и страшно разносилъ праваго и виноватаго. Если у кого хватало духу обратиться къ крикливому доктору съ просьбой взять въ лазаретъ, въ виду незнанія уроковъ, то онъ, накричавъ, обыкновенно принималъ.

Съ переводомъ на «первую порцію», меня послали въ классы, а вскорѣ и совсѣмъ выпустили изъ лазарета. Какъ разъ во-время. Оказалось, что за моимъ товарищемъ, Нерадецкимъ («Неродкой»), уже пріѣхалъ арендаторъ Берко и ходилъ просить директора отпустить его ранѣе окончанія занятій. Еврей такъ сталъ приставать къ генералу, что тотъ разрѣшилъ Неродкѣ уѣхать. Берко и впослѣдствіи являлся первымъ за своимъ «нанымъ». Многіе кадеты знали его и весело привѣтствовали вертляваго старика-балагура, являвшагося предвѣстникомъ «отпуска».

Въ нашу роту сталъ все чаще заходить швейцаръ и вызывать въ пріемную то одного, то другаго воспитанника. Опрометью бросались они туда въ объятія родныхъ, а то и по-просту сѣрыхъ крестьянъ, «проводжатыхъ», пріѣхавшихъ за ними. Насталъ и нашъ чередъ.

Братъ получилъ мой отпускной билетъ, взялъ узелокъ съ нашими вещами, приготовленными каптенармусомъ, и мы весело вышли изъ корпуса. Роль «проводжатаго», безъ котораго кадетъ не отпускали, игралъ десятилѣтній гимназистъ, племянникъ нашего знакомаго.

Почти пять мѣсяцевъ провелъ я въ заперти. Какъ пріятно было чувствовать себя свободнымъ! Дышалось какъ-то легче. Все выглядывало такимъ свѣтлымъ, радостнымъ. Корпусъ отошелъ куда-то далеко, въ другой міръ.

Антоненко жплъ въ деревнѣ, а въ городской квартирѣ оставались два его племянника: Николай Ѳедоровичъ, преподаватель пѣнія, и Ваня—гимназистъ. Николай Ѳедоровичъ оказался добрейшимъ и беззаботнѣйшимъ существомъ. Теоріи музыки онъ никогда не изучалъ, больше того, онъ и ноты плохо разбиралъ. Зачисленъ былъ учителемъ пѣнія случайно. Начальство хотѣло оказать любезность его отцу—почтенному педагогу, незнавшему, куда пристроить сына, бившаго баклуши. Открылось мѣсто учителя пѣнія, вотъ его и «устроили на вакансію»; службу же онъ несъ, кажется, въ канцеляріи училища.

Послѣ громадныхъ, холодныхъ корпусныхъ залъ, небольшой домикъ Антоненко показался мнѣ чрезвычайно уютнымъ. Солнце особенно весело заглядывало черезъ маленькія окна въ чистенькую гостиную—кабинетъ. Табачный дымъ, тонкой струйкой вившійся изъ столовой, въ первый и, думаю, послѣдній разъ въ жизни, показался мнѣ заманчивымъ. До насъ донеслись звуки вальса, кто-то пѣлъ мотивъ легонькимъ баскомъ, за нимъ, ошупью, шелъ аккомпаниментъ гитары. Это незначительное обстоятельство на меня произвело самое пріятное впечатлѣніе. Мнѣ вспомнилась кавказская крѣпостца, маленькій флигелекъ, въ которомъ квартировалъ мой старшій братъ, офицеръ, также «съ голоса» подбравшій на гитарѣ романсы.

Въ столовой, около весело кипѣвшаго самовара, сидѣлъ Николай Ѳедоровичъ и разучивалъ вальсъ.

— Сейчасъ, господа, сейчасъ... Наливайте себѣ чаю сами. Мнѣ нужно кончить вальсъ.

Порвавшаяся струна, однако, заставила его заняться настраиваніемъ.

Доброе лицо гитариста такъ привѣтливо смотрѣло, что я почувствовалъ себя совершенно дома и принялся за чай со сливками,—роскошь, которая столько мѣсяцевъ была мнѣ недоступна.

Окна изъ столовой выходили въ садъ и примыкавшій къ нему дворъ; здѣсь бѣгала сѣрая волохатая собака, сразу же мнѣ понравившаяся; около сарая запрягали въ сани тройку деревенскихъ лошадокъ. Братъ сообщилъ мнѣ, что собаку зовутъ «Валеткой», она страшно злая, еще въ прошломъ году подмяла подъ себя сосѣда шинкаря. Кучеръ Кондрать—первый силачъ на ху-

торъ и во время косовицы идетъ въ головѣ. Лошади: «Шпанка», «Казачка» и «Бурый». За «Бураго», увѣрялъ меня братъ, Антоненко давали большія деньги, да узнали, что меринъ, и отступились. «Казачка» брыкается, «Шпанка» отлично идетъ подъ верхомъ.

Гимназистъ Ваня, уписывавшій громаднѣйшій ломоть хлѣба съ масломъ, прибавилъ:

— А «Бурый» не даетъ садиться, скидаетъ...

Я съ живѣйшимъ любопытствомъ вслушивался въ эти объясненія и хотѣлъ идти во дворъ посмотреть поближе лошадей; но въ это время Николай Оедоровичъ окончилъ настраивать свою гитару и предложилъ сыграть польку, разученную имъ съ Ваней, наладившимся «подбирать» на гармоніи. Конечно, мы съ братомъ обратились въ слухъ. Они заиграли, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не выходило гладко, Николай Оедоровичъ ловко подпѣвалъ.

— Эхъ, жалко, что вы ни на чемъ не играете! Какъ бы у насъ тогда дѣло пошло. Шикъ!

Мой братъ незамѣтно вытащилъ изъ кармана губную гармонику и присоединился къ оркестру. Это было даже для меня сюрпризомъ. Эффектъ получился удивительный, а когда поощренный братъ сталъ выдѣлывать рулады, то восторгъ Николая Оедоровича не имѣлъ границъ.

— Вотъ ловко придумали! Вотъ ловко! Ну-ка, ну-ка, еще...

Полнѣйшее удовольствіе разлилось по лицу Николая Оедоровича, и онъ въ пятый разъ принимался за польку. Наконецъ, вошелъ бывшій денщикъ Антоненко, дворникъ и въ то же время лакей, Горобецъ.

— Та годи вамъ! Уже запрягли.

Николай Оедоровичъ крикнулъ ему, чтобы онъ убирался, и оркестръ продолжалъ гудѣть.

— Попробуйте, господа, вальсъ,—заявилъ братъ, который научился отлично его насвистывать.

Попробовали, вышла каша. Гармоника затягивала совсѣмъ не то, а Николай Оедоровичъ никакъ не могъ «подобрать» и лишь подпѣвалъ своимъ козлинымъ баскомъ.

Перешли опять на польку и стали уже было вырабатывать планъ кадрили изъ русскихъ и малорусскихъ пѣсень, какъ опять появилась въ дверяхъ голова Горобца.

— Отъ маюръ разсердится, что паньчи опоздали.

Оркестръ смолкъ. Николай Оедоровичъ побаивался дяди.

— Господа, знаете что? Я поѣду вмѣстѣ съ вами на хуторъ. Поѣдѣте къ Дехтярямъ, къ Яссинскимъ, къ Нартовымъ играть танцы. Идетъ?

Встрѣтивъ шумное одобреніе, Николай Ѳедоровичъ заставилъ Горобца наскоро уложить свои вещи. Размѣстившись кое-какъ въ саняхъ, мы весело выбрались за городъ. Николай Ѳедоровичъ предложилъ устроить спѣвку.

— Вѣдь къ Дехтярямъ въ церковь поѣдемъ, неловко отказаться спѣть обѣдню. Нужно имъ хватить «нотное!»

По дорогѣ мы отлично наострились пѣть «Господи, помилуй!» лаврскаго напѣва, но Симоновская херувимская шла не важно. Мой братъ пѣлъ въ корпусномъ хорѣ и зналъ твердо свою партію, остальные, включая сюда и учителя, пѣли «по слуху».

— Ничего, — ободрялъ онъ себя, — въ этомъ мѣстѣ отецъ Александръ (діаконъ) подпуститъ октаву, а тутъ Дехтярь поддержитъ альтомъ. Сойдетъ!..

Мы дѣйствительно запоздали, и на хуторѣ у самага крыльца насъ ждалъ разность маіора, но ему нужно было спѣшно ѣхать по дѣламъ въ другую деревню, и потому некогда было долго распекать.

Въ холодныхъ сѣняхъ, заставленныхъ сундуками, мы раздѣлись. Надо было представляться, но я, одичавшій въ корпусѣ, заслышавъ женскіе голоса, переконфузился и не хотѣлъ входить. Ловкимъ нинкомъ братъ вытолкнулъ меня изъ сѣней, и я принужденъ былъ влетѣть въ комнату.

Въ небольшомъ зальцѣ съ выбѣленными стѣнами и некрашеннымъ поломъ встрѣтили насъ радушно домочадцы Антоненко: старуха-мать его, сестра и двѣ молоденькія племянницы. По срединѣ комнаты стоялъ обѣденный столъ, на которомъ уже дымилась суповая чашка. Старшая племянница, добрѣйшая Софья Ѳедоровна, видя мое смущеніе, тотчасъ же взяла подъ свое покровительство и усадила за столъ подлѣ себя.

Бабушка — мы съ братомъ тоже звали такъ въ послѣдствіи старушку, — мать Антоненко — хлопотливо подчивала насъ.

— Та ты, Васю, пирожка возьми, съ горохомъ, а бо съ капустой, а то можетъ хочешь пампушекъ?

Она предлагала и «кулишу» и «затирки», карасей, линей, кашу пшеничную и взваръ.

Наголодавшись въ корпусѣ, я пробовалъ усердно все, что мнѣ ни предлагали и, видимо, сильно зарвался, такъ какъ братъ,

воспользовавшись общей горячей бесѣдой, толкнулъ меня въ бокъ и шепнулъ, что «очень ужъ безъ церемоніи».

Послѣ обѣда бабушка ушла къ себѣ, а Николай Оедоровичъ пожелалъ блеснуть оркестромъ...

Раздались звуки польки. Въ дверяхъ стала показываться домашняя прислуга—всѣ интересовались новинкой.

Барышни не вытерпѣли и стали вертѣться по залу.

— Нѣтъ, вѣдь какъ ловко-то выходитъ, а?!...—восторгался больше всѣхъ Николай Оедоровичъ.

Софья Оедоровна пригласила меня танцевать; но для меня это казалось немыслимымъ. Я и въ корпусѣ старался отдѣлываться отъ танцевъ, а тутъ вдругъ... съ дамой.

Въ это время въ дверяхъ показалась бабушка.

— И не стыдно вамъ!? У людей постъ на дворѣ, а они танцы играютъ.

Все притихло. Потомъ я привыкъ къ воркотнѣ доброй бабушки, но первый выговоръ мнѣ показался страшно обиднымъ; я искалъ глазами брата, но онъ былъ занятъ хорошенькой Наташей, которая видимо осталась довольна кавалеромъ.

Вскорѣ послѣ обѣда босоногая Гарпина влетѣла съ самоваромъ, двѣ другія горничныя разставили на столъ постные крендельки, бублики, коржики, варенье и пастилу. «Вотъ бы въ корпусѣ такъ кормили!» — думалось мнѣ...

Помня предупрежденіе брата, я старался ѣсть меньше. Бабушкѣ не нравилось это, и она все время потчивала насъ то тѣмъ, то другимъ и ласково выговаривала за церемонность.

Послѣ чаю мы отправились при лунномъ свѣтѣ кататься съ горы. Николай Оедоровичъ увѣрилъ всѣхъ, что отлично управляетъ большими «воловыми» санями. На длинныя дровни постлали соломы, покрыли ковромъ; мы усѣлись и съ хохотомъ покатались по скату горы на занесенный снѣгомъ прудъ. До половины горы доѣхали благополучно, но Николай Оедоровичъ и понятія не имѣлъ объ управленіи, мы наткнулись на кустъ, и все пошло кувыкомъ. Ушиблись-таки порядочно. Николай Оедоровичъ очутился подъ санями. Закутанныя въ салоны и платки барышни отдѣлались счастливо. Наташа зубами ухитрилась царапать лобъ брата и набила ему «гулю», что нисколько его не сердило, наоборотъ, видимо, сердечно радовало обонхъ.

Несмотря на эту передрагу, Николай Оедоровичъ хотѣлъ повторить опытъ; по счастью, до насъ долетѣлъ неистовой лай изъ «вулицы», раздѣлявшей сады двухъ сосѣдей помѣщиковъ.

Господа, пойдемъ собакъ стравливать! Барышни убѣжали домой, а мы вчетверомъ бросились къ «перелазу». Предстояло для меня совершенно новое зрѣлище.

Николай Оедоровичъ кричалъ во все горло: Сирко-на! Сирко! Лапка! Куцый!

Ваня и братъ вторили ему. Псы, слышавъ лай и призывъ хозяевъ, перепрыгивали черезъ перелазъ и бросались на подмогу своимъ, грызшимся уже товарищамъ.

— Усь его! Усь! Лю, лю! Ра! Усю-сю!.. — раздавались крики съ нашей стороны.

— Славно, славно! Благородны панычи, панское занятіе надумали...—неожиданно раздался изъ-за плетня старческій голосъ.

Это былъ сосѣдъ-помѣщикъ, восьмидесяти-лѣтній Кубчинскій. Николай Оедоровичъ первый бросился, что называется, «на вти-кача»; мы припустили за нимъ. Намъ было немного стыдно, но Николай Оедоровичъ меня увѣрилъ, что Кубчинскій самъ страстный охотникъ стравливать собакъ и, если его собаки уступаютъ непріятелю, то онъ злится, стрѣляетъ изъ дробовика и по старости можетъ попасть въ человѣка, вмѣсто собакъ.

Часовъ въ 9 вечера подали ужинъ, опять появились пирожки съ картофелемъ, съ горохомъ и капустой, опять коржики.

За одинъ вечеръ я столько набрался новыхъ впечатлѣній, такъ надышался чистымъ воздухомъ и такъ насытился, что меня клонило ко сну. Въ гостиной на полу намъ постлали перины, и мы «покотомъ» улеглись почивать.

На другой день съ утра принялись насъ откармливать. Экономія соблюдалась лишь на покупныя закуски и лакомства. Софья Оедоровна въ своемъ комодѣ берегла 2—3 фунта дешевенькихъ конфетъ, которыми она сумѣла угощать насъ въ теченіе всѣхъ святокъ, выдавая ежедневно лишь по одной конфетѣ на человѣка. У этой милой барышни были и книги; она принесла намъ ихъ цѣлый ворохъ, я выбралъ историческій романъ «Жакерію» и зачитался такъ, что передъ завтракомъ братъ насилу оторвалъ меня отъ книги. Послѣ завтрака рѣшили устроить спѣвку, въ которой долженъ былъ участвовать также и третій племянникъ Антоненко.

Передъ спѣвкой Николай Оедоровичъ присѣлъ подлѣ меня и сначала разсѣянно началъ пробѣгать развернутую книгу. Однако, когда я хотѣлъ перевернуть страницу, онъ удержалъ. На другой

страницъ онъ опять отсталъ; тогда я предложилъ ему читать вслухъ; Николай Оедоровичъ улегся на диванъ, а я принялся за чтеніе.

Остальные хористы не чувствовали особаго желанія «спѣваться» и разошлись. Николай Оедоровичъ совершенно увлекся «Жакеріей», и я читалъ до хрипоты, подбадриваемый его восклицаніями.

— Отлично! Превосходно! Теперь каждый день буду читать историческіе романы.

Въ этотъ же вечеръ мы кончили романъ и рѣшили на другой день читать новый. Братъ весело провелъ время съ хорошенькой Наташей, онъ помогалъ ей чистить миндаль и дѣлать «вѣнчики». Къ нимъ было примостился и гимназистъ Ваня, но проходившая мимо Софья Оедоровна его прогнала, такъ какъ онъ большую половину очищенного миндаля отправлялъ себѣ въ ротъ.

На первый день Рождества на двухъ тройкахъ мы отправились въ церковь. Утромъ начали-было спѣвку, но скоро подали лошадей, и приходилось допѣвать дорогой. Отъ непривычнаго пѣнія на зимнемъ воздухѣ и отъ усиленнаго чтенія вслухъ, я сиѣлъ и не могъ служить украшеніемъ хора.

Въ церкви густой толпой стояли сѣрыя свитки и синія чумарки. Съ амвона замѣтилъ насъ діаконъ, отецъ Александръ, весело раскланялся и рукой показалъ, чтобы намъ дали дорогу пройти впередъ. Торжественно вошли мы на клиросъ, подлѣ котораго стоялъ уже старикъ-помѣщикъ Вехтяръ. Въ дѣтствѣ онъ былъ придворнымъ пѣвчимъ, затѣмъ, «за спаденіемъ голоса», былъ зачисленъ губернскимъ регистраторомъ въ какую-то палату; удачно женился, пріобрѣлъ имѣніице и подъ старость поселился въ немъ. Пѣніе онъ любилъ и самъ охотно подпѣвалъ старческимъ альтомъ. Николай Оедоровичъ громко совѣщался съ діакonomъ относительно нашего пѣнія. Рѣшили огранпчиться ектеніей, Херувимской, Вѣрую и Отче нашъ. Остальное долженъ былъ исполнить пономарь.

— А концертъ-то?—громыхалъ зычно діаконъ.—Концертецъ запричастный хорошо бы хватить. А?!

Николай Оедоровичъ спѣшилъ-было согласиться, но братъ воспротивился.

Нашъ дирижеръ съ большимъ смущеніемъ относился къ камертоцу. Сначала онъ неловко прикусилъ его, затѣмъ ударилъ о колѣна. Гимназистъ Ваня прыснулъ. Николай Оедоровичъ, весь красный и взволнованный, промышчалъ намъ что-то на-угадъ, желая «задать тонъ». Первое «Господи, помилуй» вышло несмѣлое

и нестройное. Затѣмъ присоединился густой басъ отца Александра, послышался вѣрный альтъ Вехтяря, и хоръ зазвучалъ довольно сносно. Николай Ѳедоровичъ смѣло, но совершенно пропзвольно махалъ рукой. Къ Херувимской шли долгія приготовленія и совѣщанія. Вехтярь перебрался на клиросъ. Молчаливый до этого времени сынъ пономаря, — семинаристъ, взялся за теноровую партію. Въ церкви все притихло. Солнечный лучъ ворвался черезъ куполъ и, пронизавъ тихое подымающіяся волны кадильнаго дыма, освѣтилъ колѣнопреклоненную толпу молящихся. Торжественность минуты заставляла невольно вздрогнуть и задать себѣ тревожный вопросъ: «Какъ я могъ согласиться, безъ всякой подготовки, идти на клиросъ, на позоръ?! Вѣдь мы оборвемся, напутаемъ»... Николай Ѳедоровичъ съежился, сталъ меньше и уступилъ мѣсто Вехтярю.

Я рабски слѣдовалъ за изгибами голоса брата, твердо знаваго партію сопрано. Хоръ то смолкалъ, то уносился куда-то въ высь, крѣпъ и ростъ. «Всякое нынѣ жптейское» пѣжно и грустно прошепталъ теноръ, и затѣмъ съ юношескимъ жаромъ зарыдалъ «отложимъ попеченіе». Вехтярь восхищенно уставился на тенора и застылъ съ открытымъ ртомъ... Слышалось, какъ застучали въ церкви успленно поклоны. Разнеслись послѣдніе раскаты громовой октавы діакона, подпѣваваго намъ изъ алтаря; я обернулся и разлпчилъ въ толпѣ плачущихъ женщинъ, да и у нѣкоторыхъ мужиковъ видна была роса на глазахъ...

Послѣ обѣдин насъ пригласили къ священнику на чашку чаю. Помнится, меня въ домѣ отца Андрея заинтересовали цѣлыя груды паляницъ, книшей, бубликовъ и лукошекъ съ яйцами. Братъ шепнулъ мнѣ, что все это насбирали отъ прихожанъ. Вотъ бы въ корпусѣ столько стѣснаго!..

Отъ батюшки перешли къ Вехтярю, гдѣ собралось немало народа; на одномъ столѣ играли въ преферансъ, а на другомъ — въ ералашъ «съ назначеніемъ»; большинство гостей группировалось около хозяина и усердно распѣвало народныя малороссійскія пѣсни: «Ой на горі, та жінці жнуть», «Стоить лвірь надъ водою», «Ой у полі жіто копитами сбіто», «Віють вітрі», «Грічанікі», «Гріцю, Гріцю до роботі», «Не люблю я ни Стецька, ни Гріцка», и еще много другихъ.

Отець Александръ затягивалъ: «Ой ты, Днѣпръ, ты мой широкій»; но ничего не выходило, на второй строкъ хоръ и путался, и обрывался.

Николай Ѳедоровичъ прихвастнулъ своею гитарой и орке-

стромъ. Моментально верховой слеталъ къ намъ на хуторъ и привезъ инструменты; брата не могли уговорить сыграть на гармоникѣ. Онъ заупрямился и отказался наотрѣзъ. Послѣ уже я узналъ, что Наташа подсмѣивалась надъ его скошеннымъ во время игры лицомъ.

Только-что Николай Ѳедоровичъ съ гимназистомъ разыгрались, какъ пріѣхалъ родственникъ Вехтяря, — становой приставъ, съ сыномъ Колей, который отлщчно игралъ на скрипкѣ. Въ качествѣ дядьки съ нимъ былъ музыкантъ изъ прежнихъ дворовыхъ. Приходилось очистить дорогу новымъ спламъ, и Николай Ѳедоровичъ пустился танцовать. Вернулся домой уже поздно ночью.

Каждый день почти мы ѣздили куда-нибудь въ гости, и вездѣ насъ старались немилосердно закормить, а потомъ заставляли танцовать. Когда оставались на хуторѣ, то я или проглатывалъ романы, или вмѣстѣ со всей компаніей слонялся по конюшнямъ и загонамъ, осматривая и оцѣнивая лошадей и рогатый скотъ.

Двѣ недѣли святокъ пролетѣли незамѣтно. Подъ конецъ настала оттепель. Санная дорога совсѣмъ испортилась, и на плотинахъ—«гребляхъ» проѣздъ былъ крайне затруднителенъ.

6-го января утромъ отправились въ старой-престарой, громоздкой коляскѣ, которую нужно было перевезти въ Н. для продажи. Коляску тащили двѣ пары воловъ. Сначала намъ казалось это смѣшно, но скоро надоѣло, и мы въ прескверномъ настроеніи духа вечеромъ вѣхали въ городъ. Въ ночномъ сумракѣ едва-едва обозначался контуръ громаднаго корпуснаго купола, гордо поднимавшагося надъ всѣмъ городомъ. Съ неособенно пріятнымъ чувствомъ всматривался я въ эту громаду, которая должна была черезъ часъ поглотить меня...

Вскорѣ тревожно пробирался я черезъ спальную перанжированной роты къ дежурному офицеру «явиться изъ отпуска» и получилъ строгій выговоръ за то, что опоздалъ на четыре часа.

Холодный, длинный дортуаръ съ безконечной вереницей желѣзныхъ кроватей съ вытянутыми, лежащими по формѣ, «на правомъ боку» кадетскими фигурами смотрѣлъ неприглядно. Выровненные, съ правильно уложеннымъ платьемъ табуретки и тѣ напоминали о формѣ, о порядкѣ... Въ нѣсколькихъ мѣстахъ кадеты шипукались и, замѣтивъ меня, спѣшили опросить, не привезъ ли я чего съѣстнаго. Но я ничѣмъ не могъ угостить. Раздался шипящій окрикъ дежурнаго: «не разговаривать!»..

Въ спальной зимой было очень холодно. Бѣлая байковая

одѣяла наши служили со времени основанія корпуса и, потерявъ ворсъ, представляли собою очень ненадежный покровъ. Только въ случаѣ предполагавшагося прїѣзда начальства, раскладывали новыя пушистыя одѣяла, и тогда мы сравнительно блаженствовали. При удобномъ случаѣ кадеты старались раздобыться добавочнымъ покрываломъ.

Мой сосѣдъ, предполагая, что я прїѣду на другой день, воспользовался моимъ одѣяломъ, вытянувъ его изъ-подъ синяго набойчатого покрывала. Приходилось отнимать и выслушивать воркотню. Ложась спать въ постель, я попалъ «въ мѣшокъ», неизбежно устраивавшійся изъ простыни всѣмъ отпускнымъ. Шушукавшіеся товарищи прыснули отъ смѣха. Приходилось перестилать постель. Вновь появился дежурный, и все замерло.

На утро предстояло вставать въ шесть часовъ, ѣсть кашницу, идти на уроки... Опять въ заперти, опять на замкѣ...

Послѣ Рождественскихъ праздниковъ потянулись скучные, сѣрые дни. Впереди далеко брезжилъ свѣтъ праздника Пасхи и наконецъ лѣтнихъ канпкулъ. Съ особой торжественностью прошла недѣля говѣнія. Къ этому времени приурочивался и общій «генеральный» тѣлесный осмотръ. Нѣкоторые кадеты, имѣвшіе на совѣсти тайные грѣхи, боялись этого осмотра такъ же, какъ и исповѣди. Старшій врачъ Горностаевскій замѣчательно точно угадывалъ виновныхъ въ темномъ порокѣ и ставилъ такимъ нотабене. Этотъ значекъ былъ страшнѣе всякаго нуля и розогъ. Товарищи моментально узнавали о нотабене, и получившему ее приходилось до выпуска выслушивать насмѣшки и горѣть отъ стыда.

Передъ исповѣдью нѣкоторые кадеты выписывали на особый листокъ свои грѣхи и затверживали ихъ наизусть, чтобы безъ записки отвѣчать требовательному священнику. Въ день причастія св. Тани мы запаслись просфорами и старательно всю нижнюю ихъ часть сплошь покрывали чернильными подписями именъ: «о здравіи» и «за упокой». Послѣ причастія разрѣшалось всѣмъ, у кого не было даже знакомыхъ, уходить въ отпускъ и при томъ безъ провожатаго. Это отступленіе отъ правилъ дѣлалось только разъ въ годъ, въ надеждѣ на то, что въ такой день никто не натворитъ бѣды...

На Пасху въ виду сильной распутицы по грунтовымъ дорогамъ не было проѣзда, и потому, исключая тѣхъ, у кого родственники были въ городѣ, всѣ оставались въ корпусѣ. Вспомнили мы съ братомъ о насхальныхъ приготовленіяхъ дома; но вспомнили, какъ о чемъ-то давно-давно прошедшемъ. У насъ и мысли тогда

не было о возможности проѣхать домой, повидать своихъ и, странное дѣло, несмотря на искреннюю любовь къ роднымъ, у меня какъ-то мало щемило сердце по дому. Письма мои, сколько помню, были тоже крайне безсодержательны, шаблонны и сухи...

Весеннее тепло принесло съ собой нѣкоторое оживленіе въ корпусную жизнь. Въ замѣнъ чиннаго гулянья по городскимъ тротуарамъ, насъ, перанжированную роту, стали водить на громадный кадетскій плацъ, выходившій совсѣмъ уже за городъ и обрамлявшійся роскошнымъ бордюромъ цвѣтущей сирени. На обширномъ зеленомъ лугѣ было гдѣ вдоволь набѣгаться, въ волю покричать и порѣзвиться безъ страха передъ дежурнымъ офицеромъ, который не въ силахъ былъ слѣдить за воспитанниками, старавшимися держаться отъ него въ почтительномъ разстояніи.

Для многихъ немалой приманкой служилъ продавецъ съ лакомствами, «пряничникъ», онъ забирался въ отдаленные углы плаца и бойко торговалъ. Желавшимъ торговецъ предлагалъ разбивать однимъ ударомъ на двѣ части пряникъ; при чемъ выполнившій это условіе получалъ его даромъ. Многіе пробовали свое искусство; но рѣдкіе выигрывали, а приходилось платить изъ копѣчныхъ кадетскихъ карманныхъ денегъ. Большинство, конечно, съ увлеченіемъ занималось разнообразными играми въ мячи. Нѣсколько человѣкъ собирали гербаріумъ, а главнымъ образомъ съ необыкновеннымъ усердіемъ ловили бѣдныхъ жуковъ и бабочекъ; беспощадно насаживали ихъ на булавки, расправляли на пробковыхъ пластинкахъ и убивали камфорой. Какъ завидовали счастливцу, которому удавалось поймать махаона или достать адамову голову!..

Весна ознаменовалась также тѣмъ, что утренній сбитень замѣнялся очень порядочнымъ молокомъ, а, по назначенію доктора, десятки худосочныхъ воспитанниковъ ходили въ лазаретъ пить какую-то зеленую бурду, пастой изъ травъ.

Переходные экзамены въ приготовительномъ классѣ, конечно, были очень не трудны, и оставалось у насъ много свободного времени, которое мы не безъ удовольствія проводили на плацу.

Учитель русскаго языка, Степанъ Ивановичъ, приходилъ къ намъ на плацъ и обыкновенно старался устраивать различныя игры. На плацу скамеекъ не было, и нашему любимому преподавателю негдѣ было присѣсть отдохнуть. Мы рѣшили сдѣлать ему сюрпризъ. Изъ канавы, обрамлявшей весь плацъ, подъ полой, въ тихомолку отъ дежурнаго офицера, кадеты патаскали

кирпичей, сложили скамью и покрыли ее дерномъ, вырѣзаннымъ перочинными ножами. Степанъ Ивановичъ до слезъ былъ тронутъ нашей о немъ заботливостью и очень благодарилъ, не подозревая, что мы разорили канаву...

Наконецъ придвинулись и каникулы. Всѣ, кто имѣлъ лишь какую-нибудь возможность добраться до дому, собиравшись покинуть на лѣто корпусъ. У подъѣзда стали появляться деревенскія брички, натычанки, тарантасы и фургоны. На козлахъ сидѣли Остапы и Кондраты въ сивыхъ шапкахъ и синихъ чумаркахъ. За кадетами прѣзжали отцы, по большей части отставные военные въ незатѣйливыхъ «сivilьныхъ» костюмахъ, вышедшихъ изъ мастерской уѣзднаго Абрамки, а то и въ отставной формѣ и при всѣхъ регаліяхъ. Матери-вдовы въ «темненькихъ» платьяхъ также не пропускали срока и навѣдывались въ корпусъ за справками, въ сопровожденіи, обыкновенно, подроставшаго, будущаго кадета, съ любопытствомъ глазѣвшаго на воспитанниковъ.

Тѣ изъ кадетъ, кто жилъ въ отдаленныхъ сравнительно мѣстностяхъ, собирались въ артели и подряжали себѣ еврейскія фуры: громадныя, дребезжащія экипажи, съ длиннымъ, чуть не волочащимся по землѣ дышломъ, подлѣ котораго ковыляли въ порванной веревочной упряжи заморенныя шершавыя клячи. Экипажъ былъ непригляденъ, но за то весело было забиться туда большой компаніей. Сколько приключеній по дорогѣ!..

Непріятно только «шабашовать» вмѣстѣ съ возницей.

Мы съ братомъ поѣхали на хуторъ къ Антоненко.

Когда мы ѣздили въ деревню на Рождество, то мѣстность казалась безотрадной; теперь же весной разсыпанныя почти непрерывной цѣпью по балкамъ бѣлыя хаты, окутанныя вишнякомъ, яблонями и грушевыми деревьями, привѣтливо улыбаются намъ; высокіе «мышны» не казались уже мертвыми великанами, а бойко работали своими длинными крыльями. Въ ставкахъ полоскались гуси и ныряли утки. Густая щетка зеленѣющихъ пашней перемежалась утрамбованными, точно паркетъ, толоками, на которыхъ сѣрой волной двигались овцы, низко, точно ножницами, срѣзывая траву; бродилъ крупный малороссійскій скотъ, и подпрыгивали спутанныя лошади и озабоченно изслѣдовали землю свиньи. Любопытная молодежь подскакивала къ самой дорогѣ, а на перерѣзъ бросился пастухъ съ длиннѣйшимъ кнутомъ и хлесткимъ взмахомъ отгонялъ ихъ къ мирно пасшимся солиднымъ родичамъ.

Съ какимъ интересомъ слѣдили мы, сидя въ бричкѣ, какъ

змѣей извивалась лѣвая пристяжная «Шпанка» и растяжнымъ галопомъ старалась догнать спокойнаго и, казалось, еле двигающагося коренника, ппоходца «Бураго».

Эти обычныя деревенскія картины насъ несказанно радовали, и жизнь казалась такъ хороша, такъ красна...

По дорогѣ мы догнали телѣжку въ одну лошадь, въ ней на коврижѣ изъ обрѣзокъ солдатскаго сукна сидѣлъ Петръ Ивановичъ Коржинскій, хорошій знакомый Антопенко, мелкопомѣстный «панокъ», служившій когда-то чиновникомъ въ интендантствѣ, но выдававшій себя за майора и любившій повторять три, четыре ему извѣстныхъ французскихъ фразы.

— А! Команъ-ву-порте?—крикнулъ онъ, обдавъ насъ сѣрой густой пылью изъ-подъ колесъ своей брячки.

— Къ бабушкѣ? Галопируете вмѣстѣ. Я ужъ давно оглядываюсь и гляжу, чья это пристяжная такіе карамболи выкидываетъ.—Говорю Остапу, а это вѣдь, надо быть, кони Якова Антоновича; а онъ дуракъ бурчить себѣ: ни, да ни. Ну, я приказалъ ему ѣхать потише, чтобы убѣдиться. Компрене-ву?

— Что жъ ее придерживать, вона и бѣгать не вмѣе,—замѣтилъ лукаво нашъ кучеръ.

— Ну, ты мужланъ!—разсердился Коржинскій.

— Та, ей Богу, Петръ Ивановичъ, сидайте лучше съ паньчами, а Остапъ поиде сзади.

— А что же, это недурно. Вуле-ву?—Мы выразили согласіе, и черезъ минуту костлявая, длинная фигура съ громадными подкрашенными усами помѣстилась между нами. Скоро лошадь Коржинскаго, крохотный кучеръ, хлопчикъ Остапъ, и телѣжка скрылись изъ нашихъ глазъ, и только жеребенокъ бѣжалъ подлѣ насъ; но потомъ спохватился, залился тонкимъ, тонкимъ ржаньемъ, въ отвѣтъ ему еле донесся родной призывъ, и стригунчикъ, поднявши крохотный хвостикъ, бросился стремглавъ назадъ.

— Вотъ дармоѣдъ, Остапъ, должно быть заснулъ, не подгоняетъ коня.

— Э, це винъ хоче, щобъ мы побилышы его выпередили; а тамъ подъ самымъ хуторомъ якъ стрѣла обгонять насъ,—спокойнымъ голосомъ процѣдилъ кучеръ,—лица его не было видно,—но должно быть ехидная улыбка подергивала его губы. Петръ Ивановичъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ насмѣшки, и заговорилъ съ нами о корпусѣ.

— Мой племянникъ, Петрусевицъ, съ вами вѣдь учится.—Саве-ву? Его маменька,—моя дражайшая сестрица. Ограбила она

меня, обобрала, какъ липку. Компрене-ву? Дневной грабежъ. Воспользовалась тѣмъ, что я въ походахъ разныхъ участвовалъ, она и завладѣла моимъ клиномъ въ пять десятинъ. Сестрица говоритъ, что клинчикъ ея и въ немъ будто всего три десятины. восемьсотъ сажень, такъ я вамъ, господа, скажу: вретъ она, сестрица моя, вретъ она дражайшая, пять десятинъ, кровныхъ моихъ, наслѣдственныхъ!..

Петръ Ивановичъ послѣднія слова злобно прокричалъ, точно передъ нимъ были его враги и судьи, а не два кадетика, балансировавшіе на узкомъ сидѣніи.

— А хорошіе тамъ вышли у Мароы Ивановны конопляники! Дуже хорошіе,—вставилъ свое ѣдкое слово и кучеръ, пустившій въ гору лошадей шагомъ.

— Да, что ты, бестія, злить меня хочешь!? Злить что ли?

Кучеръ одернулъ свое добродушно-лукавое лицо и, вытянувъ изъ кармана рожокъ, высыпалъ на ногу табаку и, крѣпко нюхнувъ, замѣтилъ:

— Це я жаліючи васъ же.

— То-то!—прохрипѣлъ нашъ спутникъ.

Показавшаяся крыша Антоненковскаго дома вновь скрылась при поворотѣ дороги, и, наконецъ, по узкой аллеѣ мы лихо влетѣли въ помѣщичій дворъ къ подъѣзду.

На хуторѣ мы застали не только всю семью Антоненко, но сестру Петра Ивановича, пріѣхавшую къ Якову Антоновичу посоветоваться по поводу тяжбы съ братомъ. Марѳа Ивановна, женщина удивительной толщины, не робкаго характера и говорившая басомъ, удивительно однако боялась Якова Антоновича, какъ почти и всѣ имѣвшіе съ нимъ дѣло.

Въ моментъ пріѣзда нашего она сидѣла въ кабинетѣ у хозяина. Николай Ѳедоровичъ сейчасъ же намъ сообщилъ, что посадница Марѳа уже дважды заявляла: «позвольте мнѣ выйти!» и выкатывалась изъ кабинета— «не выдерживала».

Петръ Ивановичъ, узнавъ о присутствіи сестры, хотѣлъ было уѣхать назадъ; но отставшій Остапъ не пріѣзжалъ еще, и ему пришлось остаться. Николай Ѳедоровичъ потиралъ руки, предвкушая удовольствіе, которое онъ надѣялся почерпнуть отъ наблюденія за ссорой Коржинскаго и Петрусевиичъ.

За обѣдомъ Яковъ Антоновичъ заявилъ тяжущимся, что онъ ихъ помирить слѣдующимъ образомъ: купить спорный участокъ и раздѣлить между ними деньги пополамъ. Петръ Ивановичъ

готовъ былъ согласиться, но сестра и слышать не хотѣла о мировой сдѣлкѣ.

— Въдь уступи я ему, такъ онъ завтра и домъ мой требуетъ дѣлить. — Хорошій братъ развѣ такъ долженъ поступать съ сестрой, сиротой; да онъ бы свое еще отдалъ, а не требовалъ бы послѣдняго отъ меня, бѣдной вдовы, — басила Петрусевичъ, жадно проглатывая третью тарелку борща съ сушеными карасями.

— Атандѣ-съ, атандѣ-съ, дражайшая сестрица!.. — хрипѣлъ Петръ Ивановичъ, простирая по направленію къ ней свои костлявыя руки.

Николай Ѳедоровичъ толкалъ меня ногой подъ столомъ и силился удержаться отъ смѣха. Зоркій глазъ Антоненко видѣлъ, однако, продѣлки племянника, и онъ, не стѣсняясь его возрастомъ, замѣтилъ.

— А ты бы, горе-педагогъ, вмѣсто того, чтобы смущать дѣтей и смѣяться надъ другими, смотрѣлъ бы больше за собой. На косовицѣ былъ сегодня! Много накосили?

— Да, порядочно! — робко отвѣтилъ Николай Ѳедоровичъ.

— Что значитъ порядочно? — спрашиваютъ тебя толкомъ, — сколько? до какой межи?

— Да вотъ... я не знаю, какъ называется, этотъ... то-есть клинокъ...

— Э-эхъ, братъ, бачили, та не видали, ты и на косовицѣ видно совсѣмъ не былъ. Работникъ!

— Помилуйте, дяденька, спросите... да вотъ Петръ Ивановичъ видѣлъ, какъ я съ «лукъ» мимо его хаты шелъ.

Коржипскій ничего не могъ видѣть, такъ какъ былъ въ городѣ, но Николай Ѳедоровичъ выбралъ такой моментъ, когда у того былъ набитъ полонъ ротъ, а главное педагогу было извѣстно, что молодящійся интендантъ, несмотря на свои годы, страстно посматривалъ на Софью Ѳедоровну, и потому не въ его расчетахъ было ссориться съ братомъ барышни.

Послѣ обѣда, враждующія стороны сейчасъ заторопились уѣзжать. Петрусевичъ пріѣхала въ телѣжкѣ, въ которую взбиралась съ помощью двухъ горничныхъ по особой, какъ у корпусныхъ ламповщиковъ, лѣсенкѣ. Всѣ вышли на балконъ провожать цаплю и копну, какъ звали у Антоненко брата съ сестрой.

Недалеко отъ усадьбы прошли домой съ лихой пѣсней косари. Вернулось съ вечерняго водооя стадо. Проскрипѣли запоздавшіе плугари.

Пришелъ приказчикъ за полученіемъ распоряженій на завтрашній день.

— А на луки съ косарями поѣдутъ панычи, — сказалъ Антоенко, указывая на всѣхъ насъ. — Они конны сосчитаютъ.

Николаю Ѳедоровичу не улыбалась перспектива вставать въ 4 часа утра съ тѣмъ, чтобы съ воловьями подводами двигаться верстъ за пять; но мы съ братомъ были въ восторгѣ. Послѣ ужина намъ постлали постели на балконѣ, обвитомъ дикимъ виноградомъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось спать ночью на открытомъ воздухѣ. Обступившій вокругъ дома темный садъ казался какимъ-то таинственнымъ, яркія звѣздочки на небѣ особенно какъ-то блестяли. Со ставка потянуло прохладой, я закутался въ теплое одѣяло и только-что сталъ засыпать, какъ до меня донеслись неясные звуки, приближавшіеся все ближе и ближе. То пренепріятно горлачили десятки женскихъ крикливыхъ голосовъ. Николай Ѳедоровичъ встрепенулся.

— Господа! Пойдемте «на вулицу» водить хороводы.

Конечно, меня это не могло прельщать, и я скоро крѣпко заснулъ. Николай Ѳедоровичъ исчезъ.

На зарѣ насъ еле добудился кучеръ Кондрать. Мы взобрались на неосѣдланныхъ лошадей, взнузданныхъ веревочными поводками, и веселой гурьбой затряслись по дорогѣ. Въ полѣ братъ пустилъ во всю прыть «Бураго», Кондрать и племянникъ Антоенко понесли съ нимъ «на перегонки», я, самый младшій и наименѣе искусный наѣздникъ, держался сзади на старомъ ворономъ кабардинцѣ; но мой конь не выдержалъ всеобщаго воодушевленія, подбросилъ задомъ и пустился въ погоню за товарищами, только, впрочемъ, безъ меня, такъ какъ я лежалъ на землѣ. Обошлось все благополучно. Черезъ пять минутъ мы легкой трусцой проѣхали мимо усадьбы Петра Ивановича, который уже всталъ и на маленькомъ крылечкѣ распивалъ чай.

— Угостилъ бы васъ чаемъ, господа, да посуды не хватитъ.

— Нѣтъ ужъ, Петръ Ивановичъ, извольте угощать; гостей вѣдь такихъ не скоро найдете, — приставалъ безъ церемоніи къ скупому интенданту Николай Ѳедоровичъ.

Босоногая горничная набрала какихъ-то разнокалиберныхъ стакановъ и чашекъ безъ блюдецекъ, и на утреннемъ холодкѣ намъ съ братомъ чай показался удивительно вкуснымъ.

Петръ Ивановичъ разошелся, приказалъ подать хлѣбъ, масло и даже ромъ; послѣднее видимо пришлось по душѣ Николаю Ѳедоровичу, такъ какъ онъ одобрительно крякнулъ и объявилъ, что

останется у Коржинскаго, а мы можемъ ѣхать присматривать за косовицей.

Мы застали рабочихъ «за снѣданіемъ»; они сидѣли вокругъ чашекъ и солидно пережевывали куски чернаго хлѣба, прихлебывая ложками чистую воду съ солью, которая комочкомъ «грудочкой для скусу» лежала въ самыхъ ложкахъ. Скоро Кондратъ, а за нимъ и другіе принялись оттачивать около самодѣльной наковальни косы, и наконецъ, вдоволь навозившись съ ними, двинулись на работу.

Подлѣ уснувшей рѣки, расплывшейся въ причудливые, неподвижныя плесы, широкой зеленой полосой, разрисованной цвѣтами, тянулись заливные луга. Роскошная трава богатымъ ковромъ покрывала вдаль уходящую площадь. То здѣсь, то тамъ поднимались надъ лугомъ птички и, покружившись въ выси, опять спускались въ уютныя гнѣздышки, свитыя среди высокой, привѣтливо покачивающей верхушками травы. Не долго красоваться и травѣ и цвѣтамъ!.. Пришли палачи, сверкнуло оружіе, и поле быстро стало оголяться, теряя свой чудный цвѣточный уборъ... Широко разставя ноги и согнувши спины, десятка косцовъ, съ Кондратомъ во главѣ, ровными уступами подвигались впередъ и сильными сажеными взмахами валили густую и сочную траву, безжизненно падавшую на землю длинными валками. Вдали видѣлись дивчата, сгребавшія скошенное вчера сѣно. Намъ нужно было идти туда считать копны и подгонять работницъ.

Въ то время, какъ косари, безмолвно насильничая, обнажали луга, веселыя дивчата, съ вѣнками на головахъ, съ пѣснями сгребали подсохшее сѣно въ копны и украпали мертвое поле этимъ, хозяйское сердце радующими, густо поставленными, травяными могилками. Самыя былинки, подсыхая, выглядывали бодрѣе, торщились и наполняли воздухъ ароматомъ.

Часовъ въ одиннадцать солнце стало сильно припекать, и по всей линіи работа замолкла, замерла; всѣ стали собираться къ котламъ, гдѣ уже готовъ былъ кулешъ. Косари принесли съ собой двухъ зайчатъ и перепелку съ отрѣзанной ногой. Рабочимъ дали водки, дивчата гримасничали, конфузились, но все-таки нѣкоторыя вытягивали горькую влагу изъ рюмки до дна.

Мы ѣли то же, что и рабочіе, только изъ отдѣльной миски, и ѣли съ волчьимъ аппетитомъ. Послѣ обѣда невольно всѣ растянулись на мягкомъ, душистомъ свѣже-скошенномъ сѣнѣ. Глаза

упираются въ небесный лазоревый шатеръ, повсюду утпхаетъ жизнь, лишь ястребъ вьется высоко, высоко, да за нимъ порхаютъ ласточки; солнце грѣетъ все сильнѣе и сильнѣе. Незамѣтно слипаются глаза, и протираешь ихъ съ изумленіемъ часа черезъ полтора, когда вокругъ начинаютъ подниматься на работу косари и вновь лязгать точиломъ и молоткомъ о свои притупившіяся косы.

Пока тянулась косовица, мы исправно присутствовали на работахъ, но скоро кончилось это полуообязательное для насъ занятіе, и мы должны были изобрѣтать себѣ способы развлеченія. Лѣтомъ мѣстные, больше все мелкопомѣстные «панки» жили совсемъ не такъ, какъ на святкахъ. Тогда было разливанное море, танцы и постоянные гости. Теперь всѣ сидѣли у себя по усадьбамъ, жались, никуда, кромѣ своего поля, не выѣзжали. Столъ, даже у зажиточныхъ Антоенко, былъ, по сравненію съ святочнымъ, значительно менѣе разнообразенъ и обиленъ. Мы бродили по окрестностямъ, собирали землянику, купались въ ставкахъ, водили на пастбу лошадей, заходили въ крестьянскія хатки и толковали съ хозяевамъ. Помню, меня сильно поразила голая бѣдность хуторянъ, только-что освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣломъ въ 1¼ десятины. Въ семи дворахъ ни у кого не было ни одной коровы, и бѣдные хохлушки должны были выпрашивать у помѣщика молока или масла въ обмѣнъ за цыплятъ или за работу.

За помѣщичьимъ хуторомъ раскинулись казачьи усадьбы, ласкавшія глазъ домовитостью и зажиточностью.

Книгъ въ библіотекѣ Софьи Оедоровны было немного, пришлось заимствоваться у сосѣдокъ, племянницъ старика Кубчинскаго. Онѣ были очень гостепріимны, но старикъ, ихъ дядя, держалъ такихъ злыхъ собакъ, что мы могли ходить къ нимъ въ усадьбу лишь въ сопровожденіи сосѣдской горничной. Николай Оедоровичъ расхрабрился и пошелъ-было разъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ безъ провожатаго, а послѣдній захватилъ съ собой кусокъ хлѣба, которымъ онъ думалъ подкупить собакъ. Однако, экспедиція двухъ кавалеровъ кончилась неудачно. Сейчасъ же «за перелазомъ» на нихъ напали овчарки Кубчинскаго. Николай Оедоровичъ бросился назадъ и скрылся за плетнемъ, хотя брюки его все-таки сильно пострадали; а Коржинскій зароралъ благимъ матомъ и отъ страха опустился на землю. На крикъ Петра Ивановича прибѣжала младшая племянница Кубчинскаго, Прасковья Павловна, разогнала собакъ и увела въ

домъ испачканнаго, жалкаго кавалера. Заботливость Прасковьи Павловны показалась интенданту знакомъ особаго расположенія, онъ вообразилъ, что она за нимъ ухаживаетъ, и самъ неожиданно почувствовалъ къ ней особое влеченіе.

Прежде онъ довольно часто посѣщалъ семью Антоненко и видимо млѣлъ въ присутствіи Софіи Ѳеодоровны, хотя, впрочемъ, боялся заявить о своихъ видахъ, а послѣ эпизода съ собаками онъ повернулъ фронтъ и началъ надѣдать Кубчинскимъ своими визитами. Николай Ѳеодоровичъ засматривался также на красивую вдовушку, и, какъ ни безопасенъ былъ Коржинскій, но это ухаживаніе его коробило.

Прасковья Павловна смѣялась надъ обоими ухаживателями и больше всѣхъ благоволила къ намъ, двумъ малолѣтнимъ кадетамъ. Всегда было у нея для насъ припасено какое-нибудь деревенское лакомство, или романъ, или ласковое слово.

— Бѣдненькіе вы, мои кадетики, закинули васъ на чужую сторонку, — какъ-то нараспѣвъ добрымъ, добрымъ голосомъ говорила обыкновенно она и надѣляла насъ сочными, звонкими поцѣлуями.

У Кубчинскихъ былъ прекрасный, выдѣляющійся среди всѣхъ окрестныхъ, фруктовый садъ. Старикъ-хозяинъ, страстный садоводъ, все время копался или на пчельникѣ, или подлѣ своихъ деревьевъ, очищая ихъ отъ насѣкомыхъ и сѣтками защищая отъ птицъ.

Когда начали поспѣвать шпанки, то мы, пользуясь радушнымъ приемомъ Прасковьи Павловны, особенно часто стали появляться у сосѣдей, даже собаки привыкли къ намъ и пропускали, какъ своихъ. Самъ старикъ недружелюбно относился ко всѣмъ гостямъ и безъ церемоніи вслухъ ворчалъ; но вдовушка просила не обращать вниманія на воркотню и угощала насъ шпанками, скороспѣлками-грушами и яблоками. Мы съ братомъ такъ и дѣлали, — не обращали вниманія на Кубчинскаго и съ удовольствіемъ угощались фруктами.

Неблагодарные! когда поспѣли вишни, а затѣмъ стали наливаться и яблоки въ нашемъ саду, то визиты наши къ Кубчинскимъ стали рѣже. Впрочемъ, намъ задали новую работу: наблюдать за начавшимся жнитвомъ озимыхъ хлѣбовъ и дѣлать расчетъ съ крестьянами, работавшими «съ четвертаго снопа». Мы опять цѣлыми днями проводили на поляхъ, гдѣ мужчины косили, а женщины вязали снопы или жали хлѣбъ. Не слышно было пѣсень, не видно было цвѣтовъ, а наоборотъ, повсюду вы-

глядывали уже заморенныя, коричневыя лица, да пожелтѣвшіе колосья, колосья и колосья. Работа шла не общимъ «загономъ», какъ на косовицѣ, а по участкамъ и разнымъ «клинчикамъ», отдѣльными семьями. Повсюду, насколько глазъ могъ окинуть степь, копошился народъ, выставляя лишь головы надъ колеблющейся поверхностью хлѣбовъ. Въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись треножники съ привѣшенными колышками, гдѣ пищали новорожденные плоды октябрьскихъ браковъ.

Обливаясь потомъ, съ открытой и загорѣвшей, точно голенце, грудью, крестьяне выбивались изъ силъ, чтобы только успѣть выработать себѣ хлѣбъ насущный. Еще тяжелѣе приходилось женщинамъ, которыя должны были работать по педѣлямъ въ ненормально согнутомъ положеніи.

Мы съ братомъ дѣлали расчетъ и отмѣчали вѣточками «панскія» копны, а неграмотный приказчикъ на своей биркѣ вырѣзывалъ ножомъ, ему лишь понятныя, значки.

День за днемъ незамѣтно промелькнули июнь и июль, и насталъ «второй Спасъ», а на другой день и отъѣздъ въ корпусъ.

А я-то предполагалъ за лѣто сдѣлать большіе переводы по французскому языку и собрать коллекцію бабочекъ! Ни то, ни другое и на умъ не пришло... 6-го августа, въ ближайшемъ селѣ у Дехтяря, былъ престольный праздникъ и ярмарка. Мы съ братомъ на рубль купили цѣлыя горы монистъ, колечекъ и серегъ въ подарокъ деревенской женской прислугѣ. У стараго помѣщика по-святочному былъ пиръ горой, подали даже донское вино, діаконъ провозгласилъ многолѣтіе хозяину, гости подхватили и подняли немовѣрный крикъ; Дехтярь плакалъ отъ умиленія. Петръ Ивановичъ хотѣлъ сказать спичъ, но, увидѣвъ смѣющіеся глаза Прасковьи Павловны, заппулся и при общемъ хохотѣ, весь красный, долженъ былъ замолкнуть и уткнуться въ тарелку. Съѣли неудавшееся, расплывшееся мороженое и разсыпались по саду. Черезъ полчаса я съ компаніей встрѣтилъ сверхъ обыкновенія невеселаго, но по-прежнему болтливаго Николая Оедоровича, который сообщилъ, что Петръ Ивановичъ дѣлалъ сейчасъ предложеніе вдовушкѣ и получилъ отказъ.

— Что же вы, уважаемый коллега, не договариваете, пропускаете! Вѣдь я рискнулъ послѣ того, какъ отказали вамъ, преподнесли, такъ сказать, гарбузъ. Компрене-ву? — вдругъ послышался хриплый голосъ Коржинскаго.

При разъѣздѣ гостей, Прасковья Павловна взяла меня съ бра-

томъ къ себѣ въ бричку. Она сначала подсмѣялась надъ женихами, а потомъ стала вспоминать своего покойнаго мужа, молодого офицера и сына, умершаго груднымъ ребенкомъ.

— Вѣдь ему теперь время было бы поступать въ корпусъ, мужъ хотѣлъ, чтобы онъ былъ тоже офицеромъ. — А теперь обоихъ нѣтъ... Въ одинъ мѣсяць не стаю...

Послѣ этихъ словъ стало понятно тогда ее участливое къ намъ отношеніе.

Если послѣ святокъ было непріятно возвращаться, то тѣмъ труднѣе было проститься съ лѣтними каникулами. Но что же дѣлать!

Въ корпусѣ послѣ ремонта небезопасно было подходить близко къ дверямъ и облакачиваться о стѣны, пахло краской, и сапоги прилипали къ полу; голоса, казалось, слишкомъ гулко раздавались въ громадныхъ дортуарахъ, и не слышно было обычной дѣтской возни.

Кадеты вернулись загорѣлые, круглолицые и большинство съ замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ.

— Тоже, вѣроятно, конны считали, — думалось мнѣ, глядя на нихъ.

Дня черезъ два дѣло наладилось, и кадетская жизнь потекла обычнымъ путемъ. Появились новички, появились новые преподаватели, и завертѣлось корпусное колесо до слѣдующихъ каникулъ.

II.

Кадетскіе корпуса вскорѣ уступили мѣсто военнымъ гимназіямъ. Названіе это встрѣчено было кадетами недружелюбно, и слова «корпусъ» и «кадетъ» не скоро еще уступили мѣсто новымъ наименованіямъ. Въ своихъ дальнѣйшихъ замѣткахъ я, придерживаясь этого недружелюбнаго взгляда, называю по-прежнему свое заведеніе корпусомъ. Но, если внѣшнія формы были намъ не по нутру, по внутреннему существу реформа не могла не произвести на насъ свое благотворное вліяніе, хотя первые шаги показались намъ неудачными.

Реформа смела многихъ старослуживыхъ офицеровъ. Нашъ Адамъ одинъ изъ первыхъ долженъ былъ подать въ отставку. Какъ постарѣлъ и захирѣлъ сразу бывший грозный командиръ! Вскорѣ послѣ отставки онъ встрѣтился съ нами на подѣздѣ корпуса. Въ старенькомъ пальто безъ погонъ, сгорбившійся, со слезливыми глазами, онъ показался намъ очень жалкимъ. Мы всѣ дружно привѣтствовали его и засыпали вопросами.

Оказалось, что Адамъ уѣзжаетъ на вновь построенную дорогу багажнымъ кассиромъ.

— Кормиться надо, господа, у меня пять человѣкъ дѣтей, а пенсія, сами знаете, маленькая. Хотя мы тогда не знали о размѣрахъ пенсій, но Адама стало жаль; прежде при всякихъ продѣлкахъ, направленныхъ по его адресу и несомнѣнно вліявшихъ на служебное положеніе Адама, какъ-то и не думалось о томъ что у него есть дѣти и что ему «кормиться надо».

При послѣдующихъ шагахъ реформы пострадалъ не только

Адамъ, а долженъ былъ уйти и самъ директоръ, генералъ старыхъ понятій, а также инспекторъ и многіе изъ служащихъ. Приѣхалъ новый директоръ и, не вступая еще въ управленіе корпусомъ, опасно заболѣлъ.

Новые порядки, оказалось, на первыхъ порахъ некому было приводить въ исполненіе. Старый строй былъ нарушенъ, а новый не налаженъ. Выходилъ сумбуръ необычайный... Къ этому времени, какъ на несчастье, разразилась въ корпусѣ сильнѣйшая коревая, а затѣмъ скарлатинная эпидемія. Пришлось подъ лазаретъ отдѣлить часть ротныхъ дортуаровъ, а здоровыхъ сбить въ тѣсное помѣщеніе. Должность директора исполнялъ старшій изъ учителей, статскій совѣтникъ Карельниковъ. Въ классахъ онъ наводилъ страхъ и смятеніе, но въ качествѣ директора оказался безсильнымъ справиться съ кадетами, которымъ не правился гражданскій духъ.

Поступившіе вновь гражданскіе воспитатели были въ полномъ отчаяніи. Они явились съ новымъ взглядомъ на воспитаніе, были проникнуты отвращеніемъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и хотѣли однимъ добрымъ словомъ укротить кадетъ, среди которыхъ было немало такихъ, которые сроднились съ другими порядками. Великовозврастные закалы мучили другихъ, а гражданскіе воспитатели на первыхъ же порахъ поставили себя въ смѣшное положеніе.

Первое же дежурство одного изъ нихъ ознаменовалось такимъ событіемъ. Наша рота по звонку, введенному въ замѣнъ барабана, выстроилась въ залъ для того, чтобы идти въ столовую къ обѣду. Воспитателю нужно было скомандовать: «Смирно! На право! Шагомъ маршъ!» Но онъ, не имѣя представленія о командныхъ словахъ, какимъ-то неестественнымъ голосомъ крикнулъ: «Маршъ! Маршъ!».

Шумъ, не прекращенный командой «Смирно», на нѣсколько секундъ затихъ, но затѣмъ послышался смѣхъ и изъ строя выдѣлились сначала два-три самыхъ непокорныхъ «закаловъ», а за ними почти вся рота понеслась галопомъ въ атаку на стѣну, къ которой съ ужасомъ отступилъ и былъ невольно притиснутъ несчастный воспитатель. Смѣхъ, стукъ, крики были прекращены лишь съ прибытіемъ офицера-воспитателя, дежурнаго по другой ротѣ, за которымъ успѣлъ сбѣгать расторопный каптенармусъ Тишлеръ, оставшійся у власти и при реформѣ.

На бѣднаго мирнаго воспитателя такое тяжелое впечатлѣніе произвелъ кадетскій скандалъ, что онъ больше не показывался

передъ нами и вышелъ въ отставку. Другой штатскій воспитатель, дерптскій докторъ медицины Прейферъ, также долженъ былъ подать въ отставку, но сдался не скоро и провозился съ нами мѣсяца три. Исторій съ нимъ было немало. Явился онъ, обмундированный въ новую форму гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, съ погонами и даже шпорами... Къ воинскому строю, какъ нѣмецъ, онъ питалъ почтеніе и видимо взялъ нѣсколько уроковъ «одиначнаго обученія». Произносилъ довольно правильно команду, онъ самъ первый торопился ее исполнять. Это насъ тоже всегда очень забавляло.

Плохое знаніе русскаго языка ставило его въ неловкое положеніе. Онъ приказалъ дневальному «тушить» огонь въ спальнѣ; вмѣсто того, чтобы «уменьшить». Какъ только кадеты очутились во тьмѣ, начался кошачій концертъ. Растерявшійся Прейферъ кричалъ неистовымъ голосомъ: «Жги! Жги!» Кадеты подхватили припѣвъ къ извѣстной солдатской пѣснѣ: «Жги! Жги! Говори, разговаривай!» и пошли куралесить, орать на всѣ голоса и бросать полотенцами и подушками въ дневальнаго, пытавшагося зажечь маслянную лампу.

Однако были въ эту краткую переходную эпоху и такіе воспитатели, которые не только умѣли справляться съ буянами, но и успѣли заслужить самую искреннюю привязанность. Въ наше отдѣленіе временно былъ назначенъ капитанъ Лебедевъ. Привѣтливый, справедливый человѣкъ, не терпѣвшій ни наущничества, ни сплетни, ни слезъ, ни кривлянья, самъ бывший же нашъ кадетъ и послѣднее время корпусный офицеръ. Къ сожалѣнію, Лебедевъ оставался недолго воспитателемъ и получилъ другое, административное назначеніе. На разставаньи мы просили его, чтобы онъ каждому написалъ на особомъ листкѣ свою фамилію. Подписи эти мы вдѣлали въ особыя, самодѣльные картонныя рамочки и долго хранили, какъ особую драгоценность.

Усиленіе эпидеміи и полное неустройство заведенія заставило начальство распустить на каникулы ранѣе обыкновеннаго времени.

По возвращеніи съ каникулъ, я не узналъ своей роты. Къ сожалѣнію, многихъ изъ воспитанниковъ мы уже не досчитались, они явились жертвами реформы. Въ виду ихъ великовозрастности, крайне плохихъ успѣховъ въ наукахъ и непреодолимой склонности къ безпорядкамъ, имъ предложили оставить корпусъ (военную гимназію) и вступить юнкерами въ полки. При этомъ пострадало, если не ошибаюсь, болѣе семидесяти человѣкъ! т. е. около 20% всего состава воспитанниковъ...

Раздѣленные вмѣсто ротъ на четыре возраста, мы были сообразно этому дѣленію старательно разобщены. Устроены были отдѣльныя столовыя, отведены каждому возрасту особыя участки для гулянья; видѣться съ воспитанниками другаго возраста можно было въ общей пріемной и то лишь родственникамъ. Даже церковный хоръ и то составили на первое время изъ кадетъ одного возраста. Однимъ словомъ—разобщеніе введено было полное.

Изъ бывшихъ четырехъ ротныхъ командировъ воспитателемъ оставленъ былъ одинъ Андрей Ивановичъ Облонскій. Громадный, съ высоко поднятой головой, онъ дѣлалъ видъ недоступнаго начальника и въ старокорпусное время такимъ и слылъ. На самомъ дѣлѣ это былъ добросердечнѣйшій господинъ, съ мягкимъ сердцемъ и чувствительной душой, что онъ считалъ непростительной слабостью и старался маскировать. Это до нѣкоторой степени ему и удавалось прежде, когда онъ былъ ротнымъ командиромъ и могъ держать себя подалеже отъ кадетъ; теперь же, при постоянномъ общеніи съ воспитанниками своего отдѣленія, его скоро разгадали. Толстый Андрей Ивановичъ бывало покричитъ громко «покудахтаетъ», но никогда не запишетъ въ «журналъ», попасть куда считалось чрезвычайно страшнымъ. Позднѣе, когда подростшіе воспитанники забирались въ укромныя уголки курить, то Андрей Ивановичъ, хотя и беспокоилъ своимъ наблюденіемъ, но, не желая поймать съ поличнымъ, что бы могло повести къ печальнымъ послѣдствіямъ, предупреждалъ о своемъ приходѣ мурлыканіемъ пѣсенки или громкимъ окрикомъ на встрѣтившагося по дорогѣ кадета или дневальнаго.

Окончивъ давно уже образованіе, Облонскій перзабылъ, конечно, и математику, и другіе предметы; въ должности же воспитателя приходилось помогать кадетамъ на вечернихъ занятіяхъ. Андрей Ивановичъ предвидѣлъ это и потому старался не пропускать лекцій, былъ наиприлежнѣйшимъ ученикомъ и на вопросы своихъ воспитанниковъ являлся уже совершенно подготовленнымъ. Математикой онъ даже увлекся и въ рѣшеніи задачъ не зналъ себѣ послѣ конкурента даже и среди преподавателей.

Математическія способности, оцѣненные нами въ IV, V классахъ, сильно подняли его въ нашихъ глазахъ и заставили относиться къ нему съ особымъ почтеніемъ.

Кромѣ Облонскаго въ нашемъ возрастѣ воспитателями еще были штатскій, учитель русскаго языка, Яфимовичъ и два воен-

ныхъ Гровлевскій и Слезковъ. Яфимовичъ видимо старался сдѣлаться «любимымъ воспитателемъ», но это, несмотря на всѣ его безспорныя способности, ему не удавалось. Онъ устраивалъ и педагогическія прогулки, и чтенія, и лакомствами угощалъ, и дружелюбныя словечки разсыпалъ, но кадеты всегда сторонились его и чувствовали отсутствіе истинной сердечности и теплоты. Яфимовичу надоѣло кокетничать съ кадетами, да вѣроятно и рамки захолустнаго города его стѣсняли; онъ года черезъ два уѣхалъ въ Петербургъ искать счастья и устроился отлично.

Гровлевскій и Слезковъ, оба незлобивые и порядочные, не выдѣлялись ничѣмъ особеннымъ, добросовѣстно дежурили, подѣ часть записывали въ журналъ и сажали въ карцеръ. Гровлевскому вредило очень его польское происхожденіе. Въ корпусѣ большинство было по происхожденію малороссы, слѣдовательно недружелюбно настроенные къ полякамъ, и бѣдному воспитателю приходилось иногда быть свидѣтелемъ непріязненныхъ выходокъ и выслушивать отъ злыхъ школяровъ пущенную въ догонку кличку—«пшикъ».

Незамѣтно одинъ годъ смѣнялся другимъ. Постепенно двигался я впередъ, впередъ и наконецъ уже промелькнулъ и IV классъ.

Въ отворенныя громадныя корпусныя окна весна врывается ароматнымъ потокомъ. Сады одѣлись роскошною зеленью и манятъ къ себѣ кадетъ, у которыхъ на плечахъ тяжелая обуза—экзамены. Первый назначенъ по географіи. Страшенъ не предметъ, а преподаватель—строжайшій Рыковъ. Воспитанники разбились на группы и усердно готовятъ «предметъ». Два, три особенно выдающихся «зубряшекъ» занимаются по одиночкѣ, находя для себя не экономнымъ терять время на неизбежныя въ сообществѣ съ другими разговоры и споры.

На гулянье, на плацъ и въ садъ, кадеты идутъ съ книгами, не переставая и тамъ заглядывать въ учебники. Самые завзятые лѣнтяи и тѣ, какъ будто, взяли за умъ. Наростовцевъ курносый, съ неподдающимися щеткѣ вихрастыми волосами, надоѣдаетъ всѣмъ разспросами: «что къ экзамену надо и что не надо».

— Съ какой стати я буду дарить ему (учителю).—Твердилъ онъ и послѣ самыхъ тщательнѣйшихъ развѣдокъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ вычеркивалъ «ненужное».

Я навербовалъ себѣ трехъ безнадежныхъ «камчадаловъ» и

повторялъ съ ними курсъ географіи. Они покорно слушаютъ меня, но врядъ-ли многое усваиваютъ; да и я самъ сталъ очень разсѣянъ, и мысли мои летаютъ далеко отъ учебника.

Горскій, шустрый блондинъ, старается поддержать за собою славу «способнаго», потому въ садъ не беретъ учебника и подзадориваетъ товарищей устроить какую-нибудь игру. Желаящіе находятся, покидаютъ болѣе прилежныхъ собратьевъ, продолжающихъ носиться съ книгами. Постепенно площадь оживаетъ. Среди мѣрно, тихою поступью,двигающихся группъ начинаютъ шмыгать играющіе кадеты и мѣшаютъ заниматься.

Глаза устремлены въ книгу, а ухо прислушивается къ возгласу: «баръ на плѣннаго!» Тщетны усилія сосредоточиться. Врожденное желаніе порѣзвиться сказывается все сильнѣе и сильнѣе. Къ концу «прогулки» за книгами, подъ деревьями остаются единицы, маячища, какъ часовые, въ сторонѣ отъ кипящей дѣтворой зеленой поляны, украшенной довольно большимъ памятникомъ.

Слушатели мои одни изъ первыхъ увлеклись игрой, а я продолжалъ держаться въ сторонѣ отъ другихъ. Четыре года уже я не видѣлъ горячо любимыхъ родителей. Обыкновенно я, какъ и другіе товарищи, не особенно тосковалъ по дому, но вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ отецъ опасно захворалъ, и съ каждымъ письмомъ въ душу мою вливалась новая горечь. Какъ страстно хотѣлось мнѣ перелетѣть туда далеко, далеко въ родной домъ и прижаться къ своимъ... Какъ все хорошо тамъ! Какія чудныя горы! Какіе сады и лѣса! Тамъ все лучше. Передъ экзаменами я получилъ письмо отъ матери; она собиралась привезти отца для совѣта съ врачами въ «Россію» и конечно завернуть въ № повидать дѣтей. Съ момента полученія письма меня охватило одно нестерпимое желаніе поскорѣе свидѣться со своими. На гуляньяхъ я почти все время проводилъ у ограды, жадно вперивъ взглядъ въ длинную улицу, по которой пролегалъ почтовый трактъ съ юга. Въ каждомъ показывавшемся вдали дорожномъ экипажѣ я предполагалъ увидѣть дорогія, родныя лица; но скоро разочаровывался и вновь выглядывалъ слѣдующій экипажъ.

Барабанная дробь сзываетъ роту, и кадеты ведутъ въ классы, на экзаменъ. Послѣ привѣтливаго, зеленого сада, раскраснѣвшіеся отъ бѣганья и крпка кадеты попадаютъ въ обстановку, навѣвающую уныніе. Въ большой классной комнатѣ прибавлено нѣсколько страшныхъ, точно висѣлицы, черныхъ досокъ, съ новыми губками и массою обернутыхъ въ бумагу мѣлковъ. Въмѣсто

обычной каеэдры стоитъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ; на немъ разложены списки и вѣеромъ раздвинуты билеты. Подлѣ стола дежурить предусмотрительный классный сторожъ Бондаренко, онъ караулитъ билеты и чистоту новенькихъ досокъ. Однако теперь не до школьничества. Тихо размѣщаются воспитанники по своимъ мѣстамъ. Одни нервно перелистываютъ учебникъ, торопясь подкрѣпиться свѣдѣніями; въ глазахъ рябитъ, и имъ кажется, что они ничего не знаютъ, все надо перечитать. Другіе, систематики, успѣли сдѣлать коротенькій конспектъ, который въ полчаса могутъ пробѣжать. Наростовцевъ, всѣ предъэкзаменныя три дня потратившій на добросовѣстное сокращеніе курса и составленіе конспекта, не рассчиталъ время, не успѣлъ приготовить и теперь дрожалъ, держа въ рукахъ плоды трехдневныхъ заботъ, красиво переписанныя таблички, испещренные условными замысловатыми значками. У Наростовцева одна надежда на билетъ № 7, который по какимъ-то каббалистическимъ вычисленіямъ долженъ достаться ему. Передъ самымъ экзаменомъ увѣренность эта сильно поколебалась; провѣряя свое цифровое гаданіе, онъ началъ сомнѣваться, не идетъ ли рѣчь о № 9, который онъ совсѣмъ не зналъ.

Пробило 9 часовъ. Экзаменаторы еще не являются. Постепенно кадеты привыкаютъ къ торжественной обстановкѣ и успокоиваются. Слышится разговоръ. На одной изъ скамеекъ даже рѣшились «жать масло». Въ окно заглядываютъ лапчатые листья громаднаго клена, и изъ сада доносится веселое чириканіе птицъ, вдали слышится стукъ экипажей, трясущихся по мостовой, и возгласъ надсѣдающагося разнощика: «мо-рро-женное хо-ррошее!»

— Счастливецъ, право, этотъ мороженикъ!..

Несмотря на присутствіе Бондаренко и страхъ встрѣтиться съ дежурнымъ офицеромъ, Наростовцевъ рѣшается развѣдать у дневальнаго, собрались ли экзаменаторы.

Скоро онъ возвращается съ радостнымъ лицомъ.

— Господа, Рыкова нѣтъ, должно быть, заболѣлъ.

Въ эту минуту вовсе незлобивый Наростовцевъ, да и добрая половина класса желали всякихъ невзгодъ строгому преподавателю географіи, полковнику Рыкову.

— Рыковъ не прійдетъ, экзаменъ отмѣнять.

— Вотъ будетъ здорово! Вотъ ловко!..

Многіе относятся недовѣрчиво къ подобному предположенію

и не допускають мысли, чтобы исправнѣйшій Рыковъ могъ не прійти.

Говоръ становится слышимѣе.

«Приходящій» (не пансіонеръ) воспитанникъ, крохотный Донской, вытащилъ изъ сумки булку и колбасу къ страшному соблазну облизывавшихся сосѣдей.

Но вотъ внезапно отворились двери, и на порогъ показался инспекторъ, а за нимъ Рыковъ и ассистентъ, учитель исторіи Клименко.

Гробовая тишина моментально воцарилась въ классѣ. Донской и пріятель его, Наростовцевъ, окаменѣли съ полными ртами.

Дежурный по классу громко отрапортовалъ и сталъ внятно читать молитву.

Наконецъ всѣ усѣлись. Экзаменаторы пошептались, алфавитный списокъ забѣлѣлъ въ рукахъ суроваго Рыкова. Инспекторъ съ Клименко нѣсколько отодвинулись и, усѣвшись поудобнѣе, стали разсматривать программы, точно они видѣли ихъ въ первый разъ. Рыковъ стальными глазами уперся въ кадетъ и видимо старался продлить мученіе. Хотя избавиться отъ экзамена невозможно, но отвѣчать первому многимъ очень не хочется.

— Пожалуйте сюда, — раздается строгій тенорокъ Рыкова, го-сподинъ... Рыковъ останавливается и вновь инспектируетъ глазами классъ. Наростовцевъ, чувствуя на себѣ пристальный, инквизиціонный взглядъ, не выдерживаетъ, дѣлаетъ видъ, что уронилъ книгу и нагибается подъ скамью. Бѣдняга! Напрасная увертка.

— Госпо-динъ, — повторяетъ еще разъ преподаватель: — да, вотъ, ты, Наростовцевъ, ступай-ка сюда!

Блѣдный, съ дрожащими, замасленными колбасой губами, выходитъ къ столу несчастный сократитель учебниковъ. Глаза безусловно всѣхъ воспитанниковъ направлены на Наростовцева, нервно одергивающаго мундирчикъ. Инспекторъ, показавъ мелькомъ на билеты, обращивается къ ассистенту и начинаетъ съ нимъ бесѣду о чемъ-то постороннемъ.

— Го-спо-динъ Донской, Горскій, Свиридовъ, Лехъ, — продолжаетъ выкликать Рыковъ, пока не заполнятся мѣста у всѣхъ пяти досокъ, на которыхъ вызванные и начинаютъ царапать мѣломъ чертежи.

Наростовцевъ то и дѣло смахиваетъ губкой свою невыразимую мазню. За нимъ насмѣшливо наблюдаетъ Рыковъ и ловить его просящій помощи взглядъ, брошенный въ сторону класса.

Показать чертежъ или подсказать у Рыкова немислимо, онъ отлично знаетъ всѣ ученическія продѣлки, самъ осматриваетъ бумажки, которыми завернуты мѣлки, и внимательно наблюдаетъ, не написано ли что на ладони.

Пока Наростовцевъ целовко мнется, Горскій рѣшительно набрасываетъ на доскѣ Азію. Мѣлокъ бѣгаетъ по чертежу, торопливо вытягивая длинныя рѣки съ причудливыми зигзагами; не все ли равно, какія дѣлать излучины, вѣдь ни Рыковъ, ни Клименко, ни инспекторъ, да можетъ быть и составители картъ не знаютъ точнаго теченія какого-нибудь Кіанга или Брампутры. Изъ-подъ ловкой руки Горскаго скоро вырастаютъ узорчатыя горы, которыя весьма возможно и отодвинуты имъ на сотню, другую верстъ въ сторону; но на ученической картѣ такія неточности дѣла не портятъ. Еще нѣсколько взмаховъ, и до этой минуты пустынная Азія запестрѣла городами, въ видѣ кружковъ, кой-гдѣ зазубрившихся (крѣпость) или раздвинувшихся даже въ четырехугольникъ (столица). Рыковъ, любившій бойкій чертежъ, съ удовольствіемъ взглянулъ на расчерченную доску и, пошептавшись съ ассистентами, точно за судейскимъ столомъ, не спрашивая, посадилъ Горскаго на мѣсто.

Ревнивый къ успѣху товарища, забывъ на время домашнія горести, я весь отдался тревоженіямъ. Нехорошее чувство закрадывается въ мое сердце, при видѣ успѣха соперника. Вытнувшись, я наблюдалъ за карандашемъ экзаменаторовъ и съ сердечной болью замѣтилъ, какъ всѣ трое поставили 12. Миѣ не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось скорѣе отличиться, выпалить тотъ ворохъ свѣдѣній, который я собралъ за годъ; но вызываютъ не меня, а другаго ученика. Приходится ждать очереди цѣлые томительные часы. Наростовцевъ все еще не можетъ справиться со своимъ чертежомъ, но ему не позволяютъ больше возиться съ губкой.

— Видимъ, голубчикъ, видимъ, какъ вы отлично чертили, теперь расскажите намъ, что знаете. И экзаменъ принимаетъ обычное теченіе: у досокъ раскраснѣвшіяся лица, запачканные мѣломъ костюмы, большею частью нескладные, отрывистые, съ запинкой отвѣты. Въ списокъ царятъ больше «семерки» и «восьмерки», виднѣются и злополучныя непереводныя «пятерки».

Подготовившіеся къ экзамену воспитанники во время «перемѣны» окончательно овладѣваютъ собой, успокаиваются и желаютъ лишь скорѣе отдѣлаться. Неспрошенные «камчадалы» въ

уныніи, они знаютъ, что Рыковъ не только поставитъ единицу, но еще и поглумится въ волю.

Экзаменъ кончился. Читаютъ балы. Наростовцевъ получилъ 5 и протестуетъ, будучи вполне убѣжденъ, что его спросили тотъ отдѣлъ, который «не проходили». Неудачникъ за подтвержденіемъ обращается ко мнѣ, также чрезвычайно возмущенному существующимъ порядкомъ вещей—я, отвѣчавшій, чуть не полчаса, получилъ всего 11 балловъ, а Горскій, не сказавшій ни одной фразы—12...

Честное слово, несправедливо!

За географіею потянулись экзамены по другимъ предметамъ. Нервное возбужденіе у нѣкоторыхъ воспитанниковъ дошло до сильнаго напряженія. Хорошій ученикъ Митрофановъ, занимавшійся украдкой по ночамъ, дотого зазубрился, что на экзаменѣ по математикѣ не могъ отвѣтить на самые простые вопросы и, какъ неспособный, оставленъ былъ въ классѣ на другой годъ.

Измученный постоянной лихорадкою ожиданія пріѣзда родителей и тревогой за больного отца, я все болѣе и болѣе становился задумчивымъ и, что со мною никогда прежде не случалось, удивительно разсѣяннымъ. Книги валились у меня изъ рукъ, мысли витали внѣ корпуса, а нужно было готовиться къ экзаменамъ. Я принуждалъ себя къ усиленной работѣ, старался нагнать потерянное время, но вскорѣ опять энергія оставляла меня. Братъ, шестнадцатилѣтній кадетъ, всецѣло былъ занятъ серьезными выпускными экзаменами, и я не могъ отвести съ нимъ душу. По ночамъ я долго не могъ заснуть, а во снѣ грезились Кавказскія горы, перемѣшанные съ классными досками, испещренными геометрическими чертежами; снился больной отецъ, призывавшій къ себѣ, снилось, что пріѣхали родители, и я будто бѣжалъ въ пріемную...

Наступилъ уже праздникъ весны — Троицынъ день. При распредѣленіи времени подготовленія къ экзаменамъ праздники были сравнены съ буднями, такъ что и въ эти дни отдыхъ нельзя себѣ позволить.

Въ Троицынъ день я вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами поднялся спозаранку и въ четыре часа утра былъ уже за учебниками и тетрадями. Послѣ утренняя чаѣ кадетъ повели въ церковь. Громадный, залитый солнцемъ бѣлый храмъ выглядывалъ особенно торжественно, пріятно. Повсюду виднѣлись привѣтливыя зеленыя вѣтки деревьевъ, букеты цвѣтовъ и гирлянды полевыхъ травъ.

Въ экзаменаціонный періодъ воспитанники особенно усердно несутъ свою лепту въ церковь, и паникадила облѣплены тройными рядами толстыхъ восковыхъ свѣчей.

Пахло увядающей листвою, свѣжимъ сѣномъ и полевыми цвѣтами. Священникъ съ діакономъ въ блестящемъ бѣломъ облаченіи, парадная форма служащихъ въ корпусѣ, яркіе костюмы дамъ, радостное церковное пѣніе заставляютъ вѣрить, что люди празднуютъ, радуются Пятидесятницѣ. Однако забота о больномъ отцѣ и экзаменное бремя тяжелымъ камнемъ легли на моемъ сердцѣ. Первые полчаса я молился усердно и съ молитвенникомъ въ рукахъ слѣдилъ за пѣснопѣніемъ. Нѣкоторые съ очень живымъ характеромъ кадеты всѣми мѣрами стараются уклониться отъ утомляющей ихъ продолжительной церковной службы. Подъ видомъ стоянія на колѣняхъ они садятся, опираясь на ступни ногъ, выходятъ въ коридоръ, закрывая носъ платкомъ, будто унимаютъ кровотечение.

На клиросѣ едва помѣстился полный хоръ кадетскихъ пѣвчихъ. Регентъ, старикъ Кальченко, обыкновенно ссорился со старшими кадетами изъ-за «нотнаго» пѣнія. Онъ стремился довести исполненіе простыхъ папѣвовъ до извѣстнаго совершенства, а большіе пѣвчіе относились къ этому спуская рукава и горѣли желаніемъ изобразить что-нибудь «концертное». Въ особенности было трудно справиться съ басами. Эти господа, съ неустановившимися голосами, молоденькими пѣтушками, силились перекричать другъ друга, и большаго труда стоило регенту умѣрить ихъ дикіе восторги и завыванія. Недовольные рѣзкими замѣчаніями регента, баски нерѣдко устраивали ему «бенефисы», не являлись на клиросъ, а шли въ церковь въ ротномъ строю, ссылаясь на недомоганіе. Въ такихъ случаяхъ басовую партію пѣлъ самъ регентъ и старательный учитель французскаго языка, швейцарецъ, баритонъ Лизардъ. Въ большой праздникъ Кальченко не рѣшился вступать въ борьбу съ пѣвчими, сдался на капитуляцію, и по церкви носились раскаты концертнаго запричастнаго стиха. Съ надувшимися отъ напряженія жилами и красными лицами неудержимымъ натискомъ бросились басы на верхнія ноты, при чемъ Кальченко съ отчаяніемъ простиралъ въ ихъ сторону обѣ руки и силился сдержать вокальный наскокъ; но вотъ партія спускалась ниже и ниже, кадетскіе басы, «безъ низовъ», какъ колотъ ихъ регентъ, уже бессильно жужжали шмелями, чудные дисканты и альты выступали впередъ и своими свѣжими и естественными голосами выкупали недочетъ стар-

шихъ товарищей. Широкое, бритое лицо стараго регента постепенно расплывалось въ блаженную улыбку, и онъ уже съ благодарностью, чуть не съ умиленіемъ, смотрѣлъ въ ротъ здороваго кадета Надарова, замѣчательно мастерски въ концѣ «пускавшаго октаву».

— Хоть бы въ капеллу, такъ и то въ пору! — шепталъ расстроганный Кальченко плохо понимавшему по-русски Лизарду.

Я, едва держась отъ усталости на ногахъ, заслушался пѣнія и незамѣтно въ мечтахъ перенесся изъ церкви опять въ далекія страны, къ себѣ на родину. Голоса доходили до меня все тише и тише, все вѣкругъ какъ-то плавно завертѣлось, свѣчи мерцали темнѣе и темнѣе, пока наконецъ и совсѣмъ не потухли... Я упалъ въ обморокъ. Стоявшій очень близко отъ меня, гроза корпуса, старшій врачъ, крикунъ Горностаевскій, одинъ изъ первыхъ подбѣжалъ ко мнѣ и на своихъ могучихъ рукахъ вынесъ изъ церкви. Нѣсколько воспитанниковъ суетливо помогали Горностаевскому и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, выскопчили вслѣдъ за больнымъ товарищемъ.

Откинувъ въ сторону свою обычную суровость, Горностаевскій заботливо и почти нѣжно перепесъ меня въ примыкавшій къ церкви лазаретъ и принялся приводить меня въ чувство. Въ лазаретѣ никакъ не ждали въ этотъ день Горностаевского, и потому франтъ военный фельдшеръ Пѣтуховъ не примочилъ по обыкновенію квасомъ свои волосы, а завилъ роскошный кокъ, надѣлъ крахмальную сорочку и выпустилъ бронзовую цѣпочку.

Когда неожиданно появился Горностаевскій со своей ношей, то ничего не подозрѣвавшій Пѣтуховъ подплясывалъ въ пріемной передъ зеркаломъ, подпѣвая довольно громко: тра-ла-ла! тра-ла-ла!

При видѣ Горностаевского фельдшеръ на минуту остолбенѣлъ отъ ужаса и приготовился уже получить кару изъ рукъ обыкновенно свирѣпаго доктора, проникнутаго николаевскими традиціями. Однако Горностаевскій какъ будто не видѣлъ ни кока Пѣтухова, ни смятыхъ постелей въ палатахъ, ни высунувшагося въ открытое настежь окно больнаго; онъ весь былъ занятъ мною. Горностаевскій уже давно замѣтилъ, какъ я на гуляньяхъ ежедневно кого-то высматривалъ на улицѣ. Предполагая, что кадетъ высматриваетъ какого-нибудь запретнаго разномощика, онъ было налетѣлъ на меня, но, узнавъ причину любопытства, примолкъ и даже ласково меня потрепалъ за подбородокъ.

Вѣроятно, теперь Горностаевскому вспомнился этотъ случай, вспомнилось ему, быть можетъ, и далекое дѣтство, когда онъ также былъ съ окраины изъ Сибири занесенъ отъ родныхъ на чужбину съ тѣмъ, чтобы никогда уже не увидѣться съ ними...

Неудержимой волной хлынуло забытое, и ему стало жалко и себя, и бѣднаго мальчика. Когда я открылъ глаза, то еле узналъ нагнувшагося ко мнѣ доктора, настолько непривычное выраженіе измѣнило Горностаевского. Докторъ ласково ободрилъ меня, успокоилъ прибѣжавшаго впопыхахъ моего брата и лишь при выходѣ изъ лазарета громыхнулъ на фельдшера, который неосторожно подвернулся ему на глаза.

Проспавъ часа два, я совсѣмъ оправился и хотѣлъ идти въ роту, но меня не пустили.

Близость каникулъ и невозможность избавиться отъ экзаменовъ выгнали изъ лазарета всѣхъ «сомнительныхъ» больныхъ. Осталось очень немного: худосочный, тщедушный Карѣевъ, съ зеленымъ зонтикомъ надъ красными глазами; грузинъ Пакнадзе, съ раздутой отъ золотухи шеей, порѣзанной въ нѣсколькихъ мѣстахъ; здоровенный на видъ школяръ Лещина, запустившій себѣ, собственноручно, въ ногу все лезвіе перочиннаго ножа. Въ отдѣльной комнатѣ, за ширмой стоналъ и метался въ жару бѣдный мальчикъ, Волпянскій, вздумавшій сейчасъ же послѣ обѣда заняться головоломными гимнастическими упражненіями, за что и поплатился заворотомъ кишокъ. Подлѣ него дремлетъ сторожъ, отставной солдатъ. Родные трудно больного живутъ также далеко отъ корпуснаго города и не помышляютъ, конечно, о той опасности, которая угрожаетъ ихъ сыну. Лѣкарствъ подлѣ него цѣлая батарея, но нѣтъ заботливой, родной материнской руки...

По утрамъ ватага худосочныхъ и золотушныхъ воспитанниковъ прибѣгала въ лазаретъ пить какую-то невозможную бурду—настояй весеннихъ травъ. Они вносили нѣкоторое оживленіе въ скучную атмосферу лазарета; съ ихъ уходомъ все погружалось въ грустное настроеніе. Непріятно тикалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ въ коридорѣ, Пакнадзе съ Лещиной неутомимо играли въ шашки; какъ тѣнь скользилъ по комнатамъ восковой Карѣевъ, и изъ комнаты Волпянскаго доносились жалобные стоны... А въ саду такъ хорошо, такъ манить туда веселая весна! Изъ оконъ лазарета виденъ лишь маленькій участокъ захолустнаго переулка, по которому изрѣдка продребезжитъ извозчикъ. При каждомъ стулкѣ экипажа я жадно бросался къ окну, боясь пропустить пріѣздъ своихъ. Но ожиданія были напрасны. Какая это мука! Отъ окна

я шелъ въ дежурную комнату, гдѣ развѣлся на диванѣ отсиживалъ «лишки» фельдшеръ Пѣтуховъ. Старшій врачъ не пропустилъ отступленія отъ формы одежды, нарядилъ бѣднаго франта на нѣсколько лишнихъ дежурствъ и приказалъ немедленно, тутъ же, въ лазаретѣ его остричь. Пѣтуховъ съ горечью высказывалъ мнѣ свои жалобы на доктора, «мужлана», человѣка, по его мнѣнію, не понимающаго, что кавалеру неловко стричься подъ гребенку и носить некрахмаленую сорочку. Пѣтуховъ имѣлъ всегда большой запасъ старыхъ газетъ, которыя онъ получалъ отъ своего пациента-пріятеля парикмахера и любилъ читать вслухъ интересующимся политикой кадетамъ. Я очень благодаренъ Пѣтухову за его газетные номера; они мнѣ, зачастую, доставляли большое удовольствіе, и ими я иногда сталъ зачитываться такъ же, какъ прежде «Жакеріей» или «Черной Пантерой».

Вскорѣ послѣ поступленія въ лазаретъ ко мнѣ пришелъ братъ. Онъ получилъ письмо, въ которомъ говорилось о безнадежномъ состояніи отца, затѣмъ въ концѣ, другимъ почеркомъ прибавлено, что онъ умеръ. Чувствуя себя единственнымъ покровителемъ брата, нервно и безъ того уже разстроеннаго, онъ силился преодолѣть свое горе и поддержать болѣе слабого. Объявить сразу о тяжелой утратѣ ему казалось невозможнымъ, и старшій братъ заговорилъ объ усилившейся болѣзни отца. Узналъ онъ это, по его увѣреніямъ, изъ только-что полученнаго письма, которое будто бы затерялъ. Это обстоятельство сильно встревожило меня, усумнившись въ дѣйствительности потери драгоценнаго для насъ пакета. Напрасно я упрашивалъ брата не скрывать отъ меня, а сказать правду. Тотъ успокаивалъ меня и просилъ не тревожиться. На другой день истина открылась. Братъ, обливаясь слезами, объявилъ о смерти отца и желаніи матери видѣть въ тяжелую минуту дѣтей подлѣ себя. Четыре года разлуки съ отцомъ и теперь, вмѣсто ожидаемаго свиданія—смерть! Какъ въ забытіи прошелъ для меня день полученія печальной новости. Къ вечеру я глубоко заснулъ, и мнѣ снился Кавказъ, снился родной домъ и плачущая мать. У меня сердце разрывалось отъ горя, и мнѣ хотѣлось полетѣть къ матери, и прильнуть къ ней и выплакать свою душу. На утро пришелъ братъ и заговорилъ о поѣздкѣ домой. Тысячеверстная, тяжелая дорога въ перекладной не пугала насъ. Лишь бы отпустили въ такую даль «безъ провожатаго»...

Черезъ недѣлю послѣ полученія письма о смерти отца къ корпусному подѣзду подкатила почтовая телѣга, братья-сироты

торопливо уложили свои вещи и вскорѣ уже довольные, съ улыбающимися лицами тряслись по городской мостовой. За городомъ мы перегнали еврейскую фуру, въ которой сидѣло чуть не дюжины кадетъ. На козлахъ, подлѣ чахлаго еврея-кучера, помѣщался грустный Наростовцевъ. Экзамена онъ не выдержалъ, послѣ каникулъ мерещились тяжелыя переэкзаменовки, а дома предстояли тяжелыя объясненія съ суровымъ вотчимомъ, къ которому онъ ѣхалъ въ отпускъ. Экипажи остановились. Кучеръ, воспользовавшись случаемъ, забѣгалъ съ ведромъ и принялся поить лошадей.

Наростовцевъ не выдержалъ и началъ жаловаться мнѣ на придирки экзаменаторовъ, спрашивавшихъ его «непройденное».

Вскорѣ подъѣхалъ къ кадетской группѣ еще одинъ экипажъ, тарантасъ, въ которомъ, среди массы свертковъ и коробокъ, сидѣлъ кадетъ Горскій, перешедшій въ слѣдующій классъ первымъ. Отодвинувшіеся было на время душевнаго траура школьные интересы, при видѣ соперника, вдругъ снова охватили меня. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось въ будущемъ учебномъ году отличиться и взять верхъ надъ товарищемъ.

Звякнулъ почтовый колокольчикъ, и тройка покатила дальше; густая пыль, поднявшись столбомъ, сразу окутала насъ и отдѣлила отъ фургона и тарантаса. Домой, скорѣй домой!

Черезъ десять дней утомительнаго путешествія на перекладныхъ мы подъѣзжали къ той кавказской крѣпостцѣ, гдѣ мы родились и гдѣ теперь ждала насъ мать. Здѣсь пролетѣло наше беззаботное дѣтство до отъѣзда въ корпусъ. Намъ казалось, что на родинѣ все насъ привѣтствуетъ: и зеленыя горы, и синѣющее вдаль море, и встрѣчающіеся по дорогѣ горцы, и солдаты съ бѣлыми погонами. Когда, наконецъ, показались башни роднаго укрѣпленія, а вскорѣ изъ-за холма выглянули бѣленькіе дома съ глиняными крышами, а за ними широко раскинулись далеко уходящіе вдаль роскошныя сады,—мое сердце сильно застучало, и я готовъ былъ разрыдаться. Ямщикъ-татаринъ гаркнулъ на лошадей, и почтовая тройка лихо подкатила къ воротамъ нашего дома, откуда уже всѣ выскочили встрѣчать дорогихъ гостей. Мы бросились къ похудѣвшей и начавшей уже сѣдѣть матери и осыпали ее поцѣлуями. Растроганная мать радостно ласкала насъ и все повторяла: «какъ вы выросли, перемѣнились!..»

Мнѣ хотѣлось многое, многое сказать матери, но въ то же время также неудержимо влекло осмотрѣть домъ, садъ... Черезъ

часть по прѣздѣ, я уже обѣгалъ всюду и счастливый и довольный сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ.

Домашнія блюда мнѣ казались верхомъ совершенства, и я, не жалѣя черныхъ красокъ, описывалъ незавидную корпусную ѣду.

И понеслось каникулярное время...

Послѣ каникулъ старшіе мои братья уѣхали въ Петербургъ въ военное училище, и я остался въ корпусѣ совсѣмъ одинокимъ. Какъ-то въ одно изъ воскресеній меня позвали въ пріемную, гдѣ ждалъ Николай Ѳедоровичъ, котораго я не видалъ уже около года.

— Представь, каждое воскресенье собираюсь къ тебѣ, да все что-либо мѣшало; а сегодня ѣхали мимо корпуса съ Лидой, вспомнилъ о тебѣ, а она приказала мнѣ привезти тебя къ нимъ обѣдать!

— Кто это Лида?

— Да дочь Ждановича, единственная наслѣдница и шестнадцатилѣтняя брюнетка. Этакое невезенье, вообрази, приходится мнѣ кузиной! А то бы... И Николай Ѳедоровичъ такъ побѣдоносно взглянулъ, что нельзя было сомнѣваться въ его увѣренности въ побѣдѣ надъ сердцемъ дѣвушки.

Идти въ гости мнѣ казалось удивительно страшнымъ, и я сталъ отказываться. Но съ Николаемъ Ѳедоровичемъ не легко было въ такихъ случаяхъ справиться, и онъ, забывавшій меня въ теченіе года, невольно свидѣвшись со мной, проникся нѣжностью и увѣрялъ меня, что будетъ приходить ко мнѣ во всѣ пріемные дни, принесетъ мнѣ новые журналы и достанетъ билеты въ любительскій спектакль. Наконецъ, я сдался, и мы съ нимъ отправились къ Ждановичамъ.

Это было очень состоятельное семейство, переехавшее въ первый разъ еще изъ деревни на зиму въ городъ вывозить дочь. Отецъ очень суровый и необщительный человѣкъ, однако, души не чаялъ въ дочкѣ, которая умѣла, хотя и не всегда, справляться съ нимъ. Мать, болѣзненная, кроткая женщина, не могла еще осилить горя объ умершемъ года два тому назадъ, единственномъ сынѣ, уже офицерѣ.

Лида замѣтила насъ изъ окна и встрѣтила въ передней. Изъ сосѣдней комнаты слышались звуки вальса. Еле я успѣлъ снять пальто и неловко, конфузясь, поклониться дѣвушкѣ, какъ она подхватила меня и заставила влетѣть въ гостиную вальсомъ. Розовенькое, смѣющееся личико, черные глаза и, вообще, вся хо-

рошенькая фигурка сразу произвела на меня, затворника, одурачивающее впечатлѣніе.

Я, ни за что не соглашавшійся на корпусномъ вечерѣ войти въ танцевальную залу, удивлялся, какъ это такъ свободно танцую съ барышней. Меня оставили обѣдать, и я вернулся въ корпусъ въ восторженномъ состояніи.

Старикъ Ждановичъ пригласилъ меня бывать у нихъ, и я этимъ воспользовался, явившись на слѣдующее же воскресенье. Плутовка Лида подмѣтила мое къ ней неравнодушіе и слегка кокетничала со мной; правда, я былъ единственнымъ кавалеромъ.

Передъ знакомствомъ съ Ждановичемъ я довольно близко сошелся съ кадетомъ Сонимскимъ, недавно переведеннымъ изъ Московскаго корпуса. Онъ любилъ Вальтеръ-Скотта и, обладал изумительною памятью, рассказывалъ историческіе романы съ мельчайшими подробностями. Бывало на гуляньѣ, возьметъ меня подъ руку и ровнымъ голосомъ, съ небольшимъ откашливаньемъ, въ теченіе часа пересказываетъ мнѣ разнообразныя рыцарскія приключенія, пока барабанъ не ударитъ сборъ; тогда онъ замолкалъ, точно захлопнутая книга, и прибавлялъ: «продолженіе до слѣдующаго номера», и я съ нетерпѣніемъ ждалъ этого продолженія. Но теперь меня не тѣшили чужіе романы, мнѣ хотѣлось говорить о своей героинѣ, и я расписывалъ Лиду самыми яркими красками, одѣлялъ ее наилучшими благороднѣйшими стремленіями. И мнѣ было хорошо. Все казалось такимъ живымъ, свѣтымъ въ Божьемъ мірѣ.

Лида любила танцы и хотѣла во что бы то ни было танцевать, а ее нигде не вывозили. Старикъ Ждановичъ скучалъ по деревнѣ, бранилъ городъ и никакъ не могъ собраться выѣхать съ визитами. Жена его чувствовала себя все нехорошо и тоже нигде не выходила. Такимъ образомъ, съ переѣздомъ въ городъ, развлеченій у барышни не прибавилось, а главное не было кавалеровъ. При такихъ обстоятельствахъ и кадетъ былъ желаннымъ гостемъ, тѣмъ болѣе, что онъ смотрѣлъ влюбленными глазами и торопился исполнять всѣ ея порученія.

Прошелъ мѣсяць. Лида дѣлала мнѣ глазки, позволяла цѣловать кончики розовыхъ пальчиковъ и вздыхать, вздыхать!.. Я былъ на седьмомъ небѣ и мечталъ, что такое блаженное состояніе продолжится вѣчно. Приближался Николинъ день, который знаменовался всегда большимъ баломъ въ институтѣ, куда приглашалось самое избранное мѣстное дамское общество, а для тан-

цевъ—кадеты. Я раньше никогда не былъ на этомъ балу, но слышалъ многое отъ моего товарища, сына директриссы, и рассказывалъ Лидіи о предстоящемъ веселомъ торжествѣ. Она захотѣла во что бы то ни стало попасть туда и пристала съ этимъ и къ матери, и къ отцу. Миѣ лично не очень улыбалась перспектива ея выѣзда. Какъ бы хорошо, думалось миѣ, не нарушать заведеннаго порядка и быть подальше отъ другихъ, отъ усатыхъ кавалеровъ, отъ возможныхъ соперниковъ.

Ждановичи не знали никого изъ институтской администраціи, и, слѣдовательно, попасть на балъ было нельзя. Лидя страшно огорчилась и, вбѣжавъ въ свою бѣленькую комнатку, бросилась на диванъ, уткнулась въ подушку и горько расплакалась.

Миѣ стало невыразимо жаль это маленькое, хорошенькое созданіе, и я рѣшилъ утѣшить ее.

— Лидя, не плачьте. Вы будете танцевать на балу, я вамъ это устрою. Клянусь!

Кудрявая головка немного приподнялась, на меня глянули недовѣрчиво большіе заплаканные глаза, и улыбка заиграла на освѣтившемся личикѣ.

И я устроилъ. Устроилъ черезъ сына директриссы, своего товарища.

Отъ корпуса назначили на балъ цѣлый отрядъ,—шестьдесятъ человекъ. Изъ кадетъ, которые имѣли деньги, покупали новыя перчатки, духи, помаду; непмунціе сами въ кадетскомъ рукомыльникѣ мыли перчатки, выжимали ихъ въ полотенцѣ и сушили за форточкой; бѣгали «на перевязку» въ лазаретъ за репейнымъ масломъ для волосъ или просили у товарищей «одинъ разъ колупнуть» въ помадной банкѣ.

Въ шесть часовъ вечера, уже всѣ кадеты были готовы. Лицо и руки по нѣскольку разъ вымыты яичнымъ мыломъ; волосы припомажены, пуговицы и сапоги вычищены до предѣла возможности. Нѣкоторые шикари—въ собственныхъ мундирахъ съ офицерскими петлицами, съ крахмальными выставленными воротничками и манжетами. Вкусъ нашъ неприхотливъ, и намъ кажется, что они хорошо одѣты.

Съ нами ѣдутъ нѣсколько воспитателей. Одинъ изъ нихъ, недавно назначенный, конно-артиллеристъ фонъ - Драншемъ, очень видный брюнетъ, съ лпхо расправленными бакенбардами, съ капитанскими, несмотря на поручичій чинъ, эполетами и также съ высокими воротничками и толстой часовой цѣпочкой.

Драншемъ ходитъ, какъ - то по - балетному развертывая

носки. Кадетамъ нравится эта походка, нравится его бравая фигура, и ему подражаютъ. Стараются такъ же, какъ онъ, откидывать назадъ голову, такъ же держать правую руку между второй и третьей пуговицей мундира, такъ же по-балетному ходить и отстукивать каблуками въ мазуркѣ.

Мы собираемся въ институтской пріемной и по пріѣздѣ директора поднимаемся вверхъ. Кадеты первые гости. Лѣстница убрана цвѣтами, пахнетъ духами, сверху слышится, какъ воспитанницъ сдержанными окриками гоняютъ въ залъ, не даютъ взглянуть на поднимающуюся вереницу кавалеровъ.

Сѣдой директоръ и воспитатели безстрашно двигаются впередъ, а у нѣкоторыхъ кадетъ отъ непривычной обстановки и предстоящихъ танцевъ съ «дамами» душа въ пятки уходитъ. Они обдергиваются, стараются взглянуть въ зеркало, взбить волосы на вискахъ и выровнять проборъ.

На верхней площадкѣ насъ встрѣчаетъ величавая начальница и окидываетъ всѣхъ зоркимъ испытующимъ взглядомъ. Мы неловко кланяемся и не зная, куда дѣть руки, толчемся въ корридорѣ, а изъ дверей залы на насъ съ любопытствомъ уставились оживленные личики воспитанницъ. Сборный оркестръ, составленный изъ двадцати еврейчиковъ, настраиваетъ свои инструменты. Мѣсто дирижера занимаетъ нашъ регентъ и учитель музыки, Кальченко. Пріятно видѣть знакомое лицо, и мы, чуть не всѣ, обращаемся къ нему съ различными вопросами.

Приглашенные мало по малу собираются. Оркестръ сыгралъ польскій и перешелъ на вальсъ. Начальство вошло въ залу, институтки разсѣлись по стѣнкамъ въ ожиданіи блаженнаго момента; громадный залъ съ выложеннымъ, какъ зеркало, поломъ пугаетъ кадетъ, столпившихся у двери и нервно натягивающихъ давно уже одѣтые перчатки. Воспитатели ободряютъ танцоровъ. Долѣе ждать нельзя, и вотъ два болѣе храбрые, сбивая по дорогѣ другъ друга подходятъ къ ближайшимъ воспитанницамъ, заранѣе уже съ блаженными улыбками приподнявшимся навстрѣчу кавалерамъ. Понеслись первыя двѣ пары, а за ними черезъ минуту по залу завертѣлись десятки кадетъ и институтокъ. Появилось нѣсколько фраковъ, офицерскихъ мундировъ и шлейфовъ. Кальченко неустанно машетъ рукой, еврейскія скрипки заливаются и всхлипываютъ, контрбасъ мѣрно гудитъ, а пары все носятся и носятся по залу...

Танцуютъ еще и въ трехъ классныхъ комнатахъ, откуда вынесена вся мебель. Здѣсь прыгаютъ воспитанницы младшихъ

классовъ и тѣ изъ кадетъ, кому страшно идти въ большую залу. Музыка сюда плохо долетаетъ, но это не мѣшаетъ оживленію.

Лакеи разносили конфеты и фрукты, но держали подносы или высоко или такъ стремительно проходили, что полакомиться могъ лишь особо настойчивый кадетъ.

Передъ кадрилию я встрѣтился въ корридорѣ съ сіяющей Лидой; она была въ бѣломъ платьѣ, убранномъ цвѣтами. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ она показалась положительной красавицей и недосягаемой. Первая кадрилию заранѣе была мнѣ обѣщана. Послышался ритурнель. Лида оперлась на мою руку, и я, неслыша подъ собою ногъ, горделиво вошелъ въ залу. Визави мой, однако, не являлся; видимо, онъ струсилъ и забился въ одну изъ классныхъ комнатъ. Меня это нисколько не огорчало, и я съ удовольствіемъ промѣнялъ бы кадрилию на бесѣду *tête-à-tête* въ коридорѣ; но моя дама была не того мнѣнія и приказывала мнѣ розыскать визави. Фонъ-Драншемъ, стоявшій недалеко и присматривавшійся къ Лидѣ, услышалъ, въ чемъ дѣло, приказалъ мнѣ представить его ей и предложилъ свои услуги въ качествѣ визави.

По мѣрѣ того, какъ одна фигура смѣнялась другою, я чувствовалъ, что Лида уходитъ отъ меня все дальше и дальше... Она не спускала глазъ съ ловкаго конно-артиллериста, который, позванивая шпорами, молодцовато продѣлывалъ балансе и шены.

На моихъ глазахъ, въ теченіе четверти часа деревенская, беззаботная барышня безъ боя сдалась и впорхнула въ клѣтку на всю жизнь.

Ревность клокотала въ моей груди, а поручикъ торжествовалъ, и я слышалъ, какъ ему обѣщали и вторую кадрилию, и мазурку.

Какая неблагодарность! Я же ее самъ сюда пригласилъ и теперь казнись. И виной, думалось мнѣ, визави Юневичъ. Какое онъ имѣлъ право не явиться въ залъ!!

Оркестръ гремѣлъ вновь кадрилию. Я увидѣлъ, какъ Лида оживленно бесѣдовала съ фонъ-Драншемомъ, не могъ оставаться въ залѣ и пошелъ искать Юневича, собираясь съ яростью обрушиться на него. Онъ дѣйствительно забился въ послѣднюю комнату, но не одинъ, а съ прехорошенькой съ пепельно вьющимися волосами институткой Задонской. Она конфузливо слушала его, а онъ съ увлеченіемъ доказывалъ ей что-то.—Такъ вотъ что заставило его уклониться отъ визави! Я подошелъ ближе и услышалъ, что онъ расписывалъ ей прелести нашего корпуснаго стола.

Юневичъ съ одушевленіемъ перечислялъ наши блюда, а барышня краснѣла.

— Я бы очень хотѣла попробовать кадетскихъ блюдъ, — слышался мнѣ робкій голосъ институтки.

— Завтра же пришлю вамъ цѣлую корзину нашихъ пироговъ.

— Что вы, что вы!? Развѣ это можно!!.

— Да ужъ пришлю. Скажу, что... Ну, тамъ выдумаю что-нибудь.

— Откуда же вы возьмете пироги?

— Откуда??. Господи, да для васъ весь корпусъ отдастъ всѣ свои порціи.

— Какой вы, право, смѣшной... А знаете, сюда навѣрное прійдетъ Анна Карловна и разберанитъ меня, отчего я не танцую, а разговариваю здѣсь съ вами.

— Неужели вы такъ бонетесь выговора, а я-то думалъ...

— Что вы думали? Скажите скорѣй!.. Только не громко.

Но отвѣтъ мнѣ не удалось услышать: въ эту же комнату, вѣроятно, въ поискахъ за уединеніемъ, вошелъ Драншемъ подъ руку съ Лидой. Я не успѣлъ совладать съ собой, кровь бросилась въ голову, и я хотѣлъ незамѣтно проскользнуть въ коридоръ, но Лида меня запримѣтила, подозвала къ себѣ и попросила разыскать внизу ея человѣка и принести ей *sortie de bal*.

— У васъ теперь есть кавалеръ, пошлите его, — буркнулъ я грубую фразу и не помня себя бросился вонъ. Мнѣ послышался противный смѣхъ Драншема, а соболязнующій голосъ Лиды звучалъ: бѣдный мальчикъ!

— Мальчикъ, бѣдный мальчикъ! да мнѣ уже скоро пятнадцать лѣтъ! — хотѣлось мнѣ крикнуть въ сторону Лиды.

Уѣхать изъ института ранѣе окончанія бала было нельзя, и я казился до конца. Мнѣ, впрочемъ, доставляло даже удовольствіе, сложивши руки на груди, съ презрѣніемъ поглядывать на носившуюся въ бѣшеной мазуркѣ пару. Къ сожалѣнію, они, нѣмецъ и коварная, меня не замѣчали, но стоявшій вблизи воспитатель, толстякъ Андрей Ивановичъ, за женой котораго, какъ кадетамъ было извѣстно, ухаживалъ Драншемъ, видимо понялъ мое положеніе, участливо потрепалъ меня по плечу и сунулъ въ руку апельсинъ.

Такъ недавно все вокругъ казалось мнѣ хорошимъ и добрымъ, а теперь сердце щемило и... хотѣлось плакать, плакать слезами обиды.

Изъ института мы возвращались на какихъ-то громадныхъ розвальняхъ. Холодный воздухъ освѣжилъ, подбодрилъ меня, и въ корпусъ я вошелъ значительно успокоенный. За то мой сосѣдъ, Юневичъ, имѣвшій непріятную привычку и въ обыкновенное, мирное время, толковать въ слухъ во снѣ, въ эту ночь особенно разошелся и то и дѣло какъ-то восторженно выкрикивалъ; дежурный дядька будилъ его, онъ переворачивался на другой бокъ, шамкалъ губами, успокаивался на время, а потомъ опять пелъ околесину.

Кадетское ухо привыкло не только къ почнымъ разговорамъ и крикамъ, но и барабанный бой по утрамъ не беспокоилъ многихъ, въ особенности послѣ бала, и воспитателю приходится самому тормошить нѣкоторыхъ беззаботныхъ. Когда Андрей Ивановичъ сдернулъ одѣяло съ Юневича, то у него съ постели упала роза.

— Ахъ, разбойникъ, вотъ онъ отчего вставать не хочетъ, спать съ розой!

Грузный, добрыйшій Андрей Ивановичъ, довольный своимъ каламбуромъ, смѣясь подошелъ ко мнѣ и забасилъ:

— Что, братъ, отбили даму! Но загнулся, покраснѣлъ, разсердился и во всю глотку крикнулъ:

— Вставать, — инсти-тут-ки! Моментально! не то запишу въ журналъ.

За уроками по кадетскимъ рукамъ заходилъ листокъ съ акростихомъ, написаннымъ Юневичемъ въ честь Задонской. Начиналось такъ: «Золотыя кудри, аленькія щечки». Конфетное стихотвореніе всѣмъ намъ понравилось. Строгій учитель математики, невозмутимый полковникъ Широ, преподававшій также и въ институтѣ, перехватилъ листикъ, прочелъ, улыбнулся и, замѣтивъ, по вспыхнувшему лицу Юневича, кто авторъ, обратился къ нему:

— Юневичъ, не точно выражаетесь, у Задонской не золотые, а пепельные волосы. По математикѣ она слаба, очень слаба. Жаль, очень жаль!

Широ вновь началъ читать акростихъ и, какъ намъ показалось, съ особеннымъ чувствомъ, причемъ отбивалъ тактъ рукой, но, не окончивъ сонетъ, нечаянно ткнулъ пальцемъ въ чернильницу, врѣзанную въ столъ, и этимъ, конечно, произвелъ неожиданный эффектъ. Кадеты, привыкшіе видѣть Широ неразговорчивымъ, требовательнымъ, педантически чистымъ, «его мѣлъ даже не мараль», и вдругъ! Широ декламируетъ кадетскіе стихи

и обмакиваетъ въ чернила пальцы. Многіе засмѣялись. Учитель вспыхнулъ.

— Юневичъ! Къ доскѣ!

И Широ, ничего не задавъ вызванному, заходилъ по классу. Все примолкло и ждало грозы. Юневичъ дрожалъ, такъ какъ приготовленія къ балу и, наконецъ, самый балъ отдалили его отъ математики, къ которой онъ никогда склонности особой не имѣлъ. Наконецъ Широ взглянулъ на оробѣвшаго кадета, нервно разворачивающаго на мѣлкѣ бумажку, и остановился передъ нимъ. Лицо учителя постепенно просвѣтлялось непривычной для насъ доброй улыбкой. — Что, господинъ влюбленный, не до математики теперь? Ну, садитесь и готовьтесь къ слѣдующему разу.

За завтракомъ большинство кадетъ нашего отдѣленія отдали Юневичу свое единственное блюдо, длинные порціонные пироги, начиненные жилисто-хрящеватымъ фаршемъ. Въ складчину была куплена корзинка апельсинъ, и на днѣ ея уложены пироги и акrostихъ. Влюбленному удалось такъ доставить обѣщанное и получить изъ института спустя нѣсколько дней, черезъ родственника Задонской, кадета, пирожное-безе.

Когда мы пошли въ корпусный садъ на гулянье, то я занялъ свой обычный наблюдательный постъ, откуда была видна самая лучшая городская улица, по которой передъ завтракомъ ежедневно гуляла Лида. На этотъ разъ она тоже появилась, но не съ одной гувернанткой, а еще съ кавалеромъ — Драншемомъ.

— Господа, смотрите, Дранчикъ ухаживаетъ за какой-то хорошенькой брюнеткой.

— А она ему дѣлаетъ глазки, честное слово, кокетничаетъ съ нимъ.

Мнѣ было и больно и стыдно, и злость кипѣла къ офицеру. Страстно хотѣлось заявить о себѣ какимъ-нибудь чрезвычайнымъ образомъ. Мнѣ чудилось, будто на Лиду налетаетъ карета, я бросаюсь подъ лошадей, задерживаю ее своимъ тѣломъ и окровавленный, умирающій, но съ презрительной улыбкой говорю: «можете теперь спокойно продолжать веселую прогулку съ трусливымъ, самозваннымъ капитаномъ».

Лида, подойдя поближе, весело кивнула мнѣ головой; а я не могъ убѣжать, не могъ отвернуться отъ Драншема, а долженъ былъ вытянуться и отдать ему честь. Хорошо еще, что онъ былъ офицеромъ въ другомъ «возрастѣ» и, слѣдовательно, рѣдко попадался мнѣ на глаза. Сонимскій, знавшій мои сердечныя тайны, взялъ меня подъ руку и тихо началъ «продолженіе слѣдующаго

номера». Я постепенно заинтересовался перипетіями лордовъ и лэди и рисовалъ себя героемъ романа: рыцаремъ, выѣзжающимъ на турниръ, закованнымъ въ черныя латы, съ опущеннымъ забраломъ, съ грозно-нависшимъ копьемъ. Затрубили трубы, загремяли литавры—но это не рыцарскіе фанфары, то трубятъ горнистъ, сзывая кадетъ въ строй. Нужно покидать садъ, идти опять въ классы. Въ институтѣ или на гуляньѣ я простудился и долженъ былъ отправиться въ лазаретъ, гдѣ меня ласково встрѣтили старые знакомые, фельдшеръ Пѣтуховъ и дядька Платовъ. Вскорѣ я узналъ, что Драпшемъ послѣ Рождества женится на Лидѣ и откомандировывается отъ корпуса. Лиду я больше не видѣлъ: она скоро уѣхала съ матерью въ Москву дѣлать приданое, а затѣмъ вѣнчалась въ деревнѣ.

Прошелъ еще годъ, я уже перешелъ въ выпускной классъ и, какъ многіе изъ товарищей, къ этому времени сильно вытянулся и принялъ видъ юноши. Въ классѣ уже слышались не дѣтскіе голоса, а нѣкоторые совсѣмъ-таки басили. Составъ воспитанниковъ измѣнился значительно. Начальство рѣшило соединить два небольшія порознь отдѣленія въ одно. Съ прибавкой сюда оставшихся на другой годъ въ классѣ, общество вышло пестрое и не сплѣвшееся. Воспитатель приходилъ въ отчаяніе и почти каждый вечеръ журилъ классъ и рисовалъ намъ въ будущемъ невеселыя картины.

Вліяніе начала 60-хъ годовъ проникало и въ корпусные дортуары, которые, казалось, были такъ плотно закрыты для всякаго рода внѣшнихъ вліяній.

Хорошія идейныя стремленія того времени общественной массой были плохо переварены и главнымъ образомъ повліяли на столь свойственное славянской натурѣ отрицательное отношеніе къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, традиціямъ и прежнимъ авторитетамъ. Эти вліянія далеко не на всѣхъ подѣйствовали освѣжающе, на многихъ и многихъ они произвели дѣйствіе пыльнаго урагана. Какъ черезъ незамѣтныя щели дорожного сундука проникаетъ въ него шоссейная пыль и грязнить платье, такъ и нравственная пыль пробиралась въ закрытое заведеніе...

Во время отпуска кадеты такъ же, какъ и воспитанники другихъ заведеній, перѣдко наталкивались на проповѣдниковъ новыхъ началъ, читали безъ разбору ходкія по тому времени сочиненія и, не переваривъ этой пищи, сбивались съ дороги. Впро-

чемъ, можно было и не выходя изъ заведенія поучаться новому слову.

Въ классѣ былъ приходящимъ сынъ корпуснаго учителя французскаго языка, Катсисъ. Онъ былъ главнѣйшимъ провозвѣстникомъ нигилистическихъ теорій. Конечно, большинство воспитанниковъ отнеслось если не враждебно, то безъ всякаго интереса къ поученіямъ несимпатичнаго молодого француза, но нашлись и такіе, которые живо восприняли его слова и вскорѣ въ крайностяхъ перещеголяли своего учителя, образовали кружокъ «заговорщиковъ». Сюда вошли: Смаховскій, Овцынъ и Марофонъ. Смаховскій, въ высшей степени несимпатичный юноша, ни съ кѣмъ въ классѣ не ладилъ, изподтишка дѣлалъ всѣмъ непріятности, занимался спеціально химіей, почему и смылъ подъ пменемъ алхимика.

Овцынъ и Марофонъ были славные ребята и способные ученики. Послѣ сближенія съ Катсисомъ, Овцынъ, способнѣйшій математикъ, бросилъ заниматься науками и весь ушелъ въ чтеніе приносимыхъ французомъ книгъ. Всѣ трое они рѣшились по окончаніи корпусныхъ экзаменовъ бросить военную службу и поступить въ одинъ изъ техническихъ институтовъ.

«Заговорщики» подтрунивали надъ прилежными и «паиньками».

Грустно вспомнить, что разныя непростительныя выходки кружка заговорщиковъ противъ религіи и начальства не встрѣчали явнаго, гласнаго отпора отъ товарищей. Общее теченіе незамѣтно уносило большинство семнадцатилѣтнихъ кадетъ и дѣлало ихъ нечувствительными къ подобнымъ дурнымъ проявленіямъ.

Воспитатель, подполковникъ Слезковъ, старый кадетъ, пользовавшійся прежде общимъ уваженіемъ за ровный характеръ и справедливость, подвергся, заглазно, конечно, особому вышучиванію Катсиса и Смаховскаго и постепенно въ глазахъ класса изъ достойнѣйшаго человѣка обратился въ глупаго ретрограда, отъявленнаго бурбона и надоѣдливаго, шипящаго «гусака».

Слезковъ чувствовалъ, что говорится нѣчто неладное, хотя врядъ-ли зналъ дѣйствительное состояніе умовъ своихъ воспитанниковъ. Не проходило вечера, чтобы онъ, старательно заперевъ въ коридоръ дверь, не читалъ безхитростныхъ нотацій. Однажды воспитатель явился совершенно разстроенный и прерывающимся голосомъ заговорилъ о той путаницѣ понятій, которая завелась въ нѣкоторыхъ головахъ, и подъ конецъ обратился

къ поблѣднѣвшему Смаховскому и предсказалъ ему висѣлицу, если онъ не броситъ «завиральныхъ идей». Подобное заявленіе и сказанное особеннымъ, непривычнымъ для воспитанниковъ, раздраженнымъ тономъ, немало удивило кадетъ и показалось дикой выходкой разготовавшагося гусака. Только послѣ выпускныхъ экзаменовъ стало извѣстно, что Смаховскій пытался отравить Слезкова хлоромъ и былъ имъ пойманъ. Слезковъ никому не разсказалъ объ этой гнусной исторіи, и она такъ бы и не открылась, если бы не хвастовство самого преступника.

Въ послѣднемъ классѣ многіе изъ кадетъ съ особеннымъ стараніемъ занимались математикой, этимъ излюбленнымъ въ корпусѣ предметомъ. Преподаватель, литвинъ Ширко, благодаря своимъ познаніямъ, отличному изложенію и удивительной находчивости въ рѣшеніи задачъ, выросъ въ нашихъ глазахъ. Въ корпусъ начали проникать толки о исключительныхъ выгодахъ инженерной службы, и среди семнадцатилѣтнихъ юношей находились такіе, у которыхъ уже начали роиться мысли о земныхъ благахъ желѣзнодорожныхъ строителей. Два кадета объявили о своемъ желаніи поступить въ институтъ инженеровъ путей сообщенія.

Въ то время, когда мы чувствовали приливъ особаго почтенія къ математику, одинъ изъ учителей, Шершовъ, привлекалъ насъ все болѣе и болѣе своею задумчивостью и страстною любовью къ преподаваемому имъ предмету—русской литературѣ. Шершовъ недавно только пріѣхалъ изъ Петербурга, окончивъ послѣ духовной академіи педагогическіе курсы. Нашъ корпусъ онъ выбралъ, надѣясь на югѣ поправить свое плохое здоровье.

Неудовлетворительныхъ отмѣтокъ Шершовъ не ставилъ, а лишь помѣчалъ на тетради: «жалъ воспитанника, лишаящаго себя возможности наслаждаться художественнымъ произведеніемъ».

Однажды передъ Рождествомъ Шершовъ принесъ наши сочиненія на тему: «О психической дѣятельности человѣка» безъ всякихъ отмѣтокъ. Его засыпали по этому поводу вопросами.

— Мнѣ не слѣдовало давать вамъ эту работу, вы еще... слишкомъ молоды. Я самъ виноватъ, что не взвѣсилъ вашихъ силъ.

Эти робко произнесенныя слова подѣйствовали на насъ, какъ удары плетью.

— Николай Николаевичъ, — заявилъ кто-то, — позвольте мнѣ еще разъ на эту тему написать.

— И мнѣ, и мнѣ!—послышались съ разныхъ скамеекъ голоса.

Шершовъ объявилъ, что первая письменная работа послѣ праздниковъ будетъ на произвольную тему.

Многимъ захотѣлось доставить удовольствіе добрыйшему Николаю Николаевичу, и потому мы засѣли съ большимъ усердіемъ за необязательную работу. Большинству пособіемъ служило находившееся у насъ подъ руками сочиненіе Ушинскаго.

Не знаю, насколько откровененъ былъ Шершовъ, но въ слѣдующій разъ онъ принесъ тетради съ довольной улыбкой и благосклонными отмѣтками, а одну изъ работъ, какъ «очень разсудительную», по его словамъ, прочелъ въ слухъ и предсказалъ автору публицистическую извѣстность.

Шершовъ часто прихварывалъ, но старался все-таки не пропускать лекцій; однако, подъ конецъ курса, онъ слегъ въ постель, и мы, безпокоясь о здоровьѣ учителя, выбрали депутацію, которая отправилась въ воскресенье провѣдать его. Какъ онъ былъ намъ радъ! Въ то же время онъ видимо конфузился неприглядности своего крошечнаго помѣщенія, которое онъ занималъ съ своей, также болѣзненной, женой. По странной случайности, онъ помѣщался въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ квартиры Антоенки; остальные комнаты были въ распоряженіи Николая Федоровича, не появлявшагося, по обыкновенію, ко мнѣ ни разу съ самой осени. Я отправился въ другую половину квартиры, и черезъ четверть часа были отставлены шкапы, отперта соединительная дверь, и мы вкатили въ просторную столовую — кресло сконфуженнаго Шершова. вмѣсто пыльной, узкой улицы, передъ глазами зеленѣлъ садъ, и изъ цвѣтника вѣяло ароматомъ только-что высаженныхъ въ грунтъ цвѣтовъ. Шершовъ съ наслажденіемъ вдохнулъ чистый воздухъ и съ оживленіемъ заговорилъ о предстоящихъ каникулахъ, о томъ, какъ онъ въ деревнѣ наберется силъ, возьметъ въ будущемъ учебномъ году больше уроковъ, найметъ отдѣльный домикъ и заведетъ корову для своей бѣдной, больной Меланьи Ивановны; а она, слушая эти слова, рыдала въ другой комнатѣ:

— Не поправится ему, моему голубчику!

И грустно, и тяжело было видѣть изсохшаго больнаго преподавателя, и въ головѣ вертѣлась скверная, эгоистичная мысль: кто-то будетъ экзаменовать, вмѣсто него, по русскому языку?..

Наконецъ наступили и выпускные экзамены, — окончаніе курса средняго учебнаго заведенія. Корпусный садъ опять ма-

нилъ къ себѣ своей роскошной зеленью, опять первое возбужденіе и упадокъ силъ. Но труднѣйшіе экзамены сданы, остаются болѣе легкіе, забота отлетѣла, и на меня нахлынуло новое чувство, сердце болѣзненно сжималось при мысли о скоромъ разставаніи навсегда съ корпусомъ и большинствомъ товарищей. Чувствуя близкую разлуку, всѣ особенно дружно держались, только Смаховскій съ Катсисомъ бродили по-прежнему въ сторонѣ.

Вотъ незамѣтно подползъ и послѣдній день, день разставанія. Послѣ каникулъ всѣ должны были возвращаться въ корпусъ и оттуда уже, съ воспитателемъ, ѣхать въ Петербургъ въ военныя училища; я же получилъ болѣе продолжительный отпускъ и теперь же долженъ былъ проститься со всѣми. Тяжело было бросать заведеніе, въ которомъ провелъ семь лѣтъ...

Уѣзжая изъ N, я долго еще оборачивался и съ любовью взглядывалъ на царившій надъ всѣмъ городомъ корпусный куполъ. Почтовая тройка, однако, уносила все дальше и дальше. Скрылся изъ глазъ городъ, скрылся и корпусъ...

Василій Сил—чъ.
